
18+
Рома Буранский
Люби
но не владей
18+
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Рома Буранский

Люби, но не владей

«Автор»
2026

Буранский Р.

Люби, но не владей / Р. Буранский — «Автор», 2026

Молодой писатель случайно попадает в кабинет психолога — и эта встреча переворачивает его судьбу. Там он знакомится с АннойМари. Тайно влюблённый, он решается на отчаянный обман: выдаёт себя за другого и начинает с ней переписываться. Так перед ним раскрывается страшная изнанка чужого благополучия: муж АнныМари — влиятельный садист, превративший брак в узаконенное насилие.Поддавшись искушению, писатель и АннаМари становятся любовниками. Пытаясь спасти любимую, герой бросает вызов: встречается с олигархом, выигрывает престижную английскую премию, но из отвращения к чужой системе отказывается от триумфа и уезжает домой. Возвращение оборачивается схваткой с мужем АнныМари — человеком, привыкшим ломать судьбы. В финале они встречаются в парке неподалёку от дома писателя: потеряли всё материальное, но сохранили друг друга. Стремясь оттолкнуться от дна, погружаются в мир криптовалюты. История о том, как любовь побеждает травмы и почему обладание другим человеком равносильно его уничтожению.

© Буранский Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 7
ГЛАВА ВТОРАЯ 18
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 22
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 24
ГЛАВА ПЯТАЯ 34
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Рома Буранский
Люби, но не владей

Рома Буранский

ЛЮБИ,
НО НЕ ВЛАДЕЙ

Москва
2026

Содержание
Содержание
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ГЛАВА ПЕРВАЯ
«ОНА ЕГО НЕ УЗНАЛА»
ГЛАВА ВТОРАЯ
«СОН ПИСАТЕЛЯ»
ГЛАВА ТРЕТЬЯ
«НЕПОНЯТЫЙ И НЕПРИЗНАННЫЙ»
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
«ПИСАТЬ ЗА ГРОШИ, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ О ПИСАТЕЛЬСКОМ ТРУДЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»
ГЛАВА ПЯТАЯ
«НА БОЧКЕ»
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
ГЛАВА ПЕРВАЯ
«НА ПУТИ К СВОБОДЕ И СЧАСТЬЮ»
ГЛАВА ВТОРАЯ
«ПИСЬМА. КАЖДАЯ СТРОЧКА — ОТКРОВЕНИЕ, КАЖДЫЙ АБЗАЦ — ОТКРЫТИЕ»
ГЛАВА ТРЕТЬЯ
«И ПРИДЕТ АНТИХРИСТ, И ИМЯ ЕГО БУДЕТ — ГОЛЛИВУД»
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
«В объятиях тирана и садиста»
ГЛАВА ПЯТАЯ
«КАК ИЗ МАЛЕНЬКОГО ЛЕБЕДЕНКА ВЫРОС ГУСЬ»
ГЛАВА ШЕСТАЯ.
«В первые за много лет он заснул счастливым»
ГЛАВА СЕДЬМАЯ
«НОЧЬ НА РЕКЕ»
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ПЕРВАЯ
«ДЕНЬГИ ЕСТЬ —ТОВАРИЩ НОСОВ, ДЕНЕГ НЕТ — НОСАТЫЙ ХЕР»
ГЛАВА ВТОРАЯ
«Талант попадёт в цель в который никто не может попасть. Гений попадет в цель, который больше никто не видит. Артур Шопенгауэру»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
«»
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
«Встать и выйти из ряда вон сесть на электрический стул литрон»
ГЛАВА ПЯТАЯ
«ОЛИГАРХ»
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА ПЕРВАЯ
ГЛАВА ВТОРАЯ
ГЛАВА ТРЕТЬЯ
«НЕ ТРАВИ БОБРОВ, А ТВОРИ ДОБРО. ВЕРНУВШИЙСЯ БУМЕРАНГ»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ГЛАВА ПЕРВАЯ
«ОНА ЕГО НЕ УЗНАЛА»

«Не смешивай любовь с жаждой завладеть, которая приносит столько мучений. Вопреки общепринятому мнению, любовь не причиняет мук. Мучает инстинкт собственности, а он противоположен любви»

— Антуан де Сент-Экзюпери Цитадель

В тот знаменательный для Писателя день как-то по-особенному припекало осеннее солнце. Загостившееся лето, казалось, и не собиралось уходить, словно забыло, что календарная пора увядания уже наступила; в воздухе этого не ощущалось. Все так же цвели цветы, зеленела листва и озабоченно галдели галки в овраге, где поселилась их колония, подальше от остроглазых кошек и хулиганистых мальчишек с рогатками наготове.

Утром 6 сентября 202х года Писатель заехал забрать расчет за выполненную работу в сверкающий мраморными полами офис, в котором располагался кабинет его заказчика, психолога по профессии. Всякому входящему кабинет внушал уважение роскошью отделки и дороговизной мебели. Вся эта обстановка, включавшая необходимый в таких случаях атрибут — кожаную кушетку для полного расслабления и релаксации пациентов, была призвана убедить страждущих в психологической помощи людей, что здесь все по-взрослому, здесь вам точно помогут, это вам не замызганный кабинет в городской поликлинике с горе-врачом, с трудом владеющим русским языком и имеющим такую несчастную физиономию от понимания собственной неполноценности, что ему самому хотелось помочь, желательно деньгами, ибо красные фантики единственное, что могло изменить выражения его лица с минуса на плюс.

Был в этой грамотно подобранной обстановке еще один скрытый смысл, ненавязчиво словно старый приятный знакомый, намекавший шепотом в ухо. Вся эта красота и великолепие предназначены для состоятельных господ, сливок общества, так сказать. И если тебе повезло оказаться здесь и сейчас, на этой кожаной кушетке, — значит ты избранный, ты можешь смело себя причислять к элите. И уж так сложились обстоятельства в тот день, что одет Писатель был под стать обстановке: серый пиджак, под ним — черная шелковая рубашка, синие джинсы и белые кроссовки. Такому нарядному одеянию имелось вполне прозаичное объяснение: Писатель вот уже полгода находился в поисках приличного места работы. Разослав резюме по всем офисам потенциальных работодателей, где имелась электронная почта, он теперь катался по собеседованиям в перерывах между шабашками. Вот и сейчас, выполнив несложную, но тяжелую физическую работу для владельца этого кабинета, Писатель приехал забрать деньги и двинуться на собеседование, где его дожидался очередной менеджер по персоналу.

Не застав заказчика на месте, Писатель решил его обождать. Усевшись в предназначенное для хозяина кабинета кресло, он закинул ноги на кушетку и принялся разглядывать через панорамное окно осенний пейзаж. Неожиданно в дверь постучали: робко, почти неслышно**.** «Да-да, входите», — откликнулся Писатель, решив подурачиться и разыграть из себя хозяина кабинета. По неуверенному стуку он понял, что это кто-то посторонний, не бывавший здесь ранее и не способный сразу разоблачить его шутку. Дверь открылась, и в кабинет вошла та, при виде которой Писатель едва не проглотил стоящий на столе барометр, если бы этим человеком был Илон Маск, он бы удивился в меньшей степени. И такая бурная реакция имела под собой серьезное основание. Все дело в том, что в кабинет психолога вошла женщина, которую в тот момент он ожидал увидеть здесь меньше всего на свете. Это была женщина из его тайных грез и мечтаний.

Он был тайно и безнадежно влюблен в нее долгие восемь лет — настолько тайно, что она ни о чем не догадывалась и поэтому при встрече его не узнала. Видимо, находясь в состоянии растерянности от непривычной ситуации, она ошиблась, решив, что Писатель — именно тот специалист, к которому она записалась на прием, позвонив секретарю. Под густой темно-русой шевелюрой Писателя ураганом понеслись мысли: «Она меня не узнала! Не узнала!».

Такое уже бывало в непростой, наполненной разными казусами судьбе писателя, и не единожды**.** Иногда эти случаи были забавны, иногда не очень. То его путали с руководителем фирмы, где он исполнял обязанности простого клерка, то принимали за офицера, а однажды даже за крупного уголовного авторитета. Виной всему была внешность Писателя: он всегда, даже в тяжелые времена, умудрялся выглядеть как процветающий человек и имел такое особенное выражение лица — умное, чуть снисходительное, какое бывает у людей, знающих об этом мире какую-то только им известную тайну. Еще он обладал белозубой улыбкой без видимых стоматологических проблем, что доступно, как правило, состоятельным людям. Добавьте ко всему перечисленному здоровую кожу и отличную физическую форму при нормальном весе, плюс ярко выраженный телесный тонус.

А ведь существуют исследования, которые показали, что чем больше мышечная масса, тем выше наблюдатели приписывают человеку социальное доминирование и лидерский потенциал. В другом исследовании люди, сталкиваясь с незнакомцем с выраженной верхней мускулатурой, демонстрировали большую уступчивость и уважение. Иссиня-черная с проседью кудрявая борода при абсолютно прямых русых волосах дополняла образ.

Одежду он предпочитал носить без видимых надписей, узнаваемых марок, лейблов (писатель знавал лучшие времена, и дорогая одежда — единственное, что осталось от времен его занятий бизнесом). Как-то, читая очередную статью о психологии, он с удивлением узнал, что этот его стиль в одежде, который он выбрал бессознательно, имеет вполне определенное название и даже является направлением. «Тихая роскошь» — этот стиль в современном мире остался единственным признаком настоящих денег, так как бренды стали слишком доступны через подделки и кредиты. Ну и еще один нюанс, который бросался в глаза, — его поведение в обществе. Он, что называется, занимал место, то есть не шарахался по углам и не протирал стены, а всегда выбирал себе место в центре комнаты, вел себя уверенно, но не дерзко. Конечно, такой набор харизматичных качеств, пусть и не специально, заставлял обращать на него внимание и приводил к досадной путанице и всяческим недоразумениям, как мы уже говорили ранее.

Как-то Писателя пригласили на похороны очень дальнего родственника, которого при жизни он не знал. Церемония похорон проходила на татарском кладбище в соответствии с исламскими традициями: без присутствия женщин, с муллой и старейшинами. После того как завернутого в саван покойника, уложив головой на восток, опустили в лахд — специальный подкоп (ниша в боковой части могилы для тела), выяснилось, что приготовленную с вечера возле ямы скамейку для стариков по какой-то надобности перетащили в другое место. Писатель, будучи самым молодым в компании, вызвался сходить за нею. Один из стариков вспомнил, что видел ее утром на противоположном конце кладбища возле ограды.

Кладбище, хоть и ухоженное, было старинным, и могилы были понатыканы очень густо, что существенно затрудняло проход. Ко всему этому то тут то там мешали стволы деревьев. Уже по ходу продвижения Писатель решил, что обратный путь проделает по другому маршруту — в обход. Располагалось кладбище на краю города: с северной стороны его окаймляли поля, а с южной стороны оно упиралось в оживленную городскую трассу. Между оградой кладбища и приподнятой дорогой раскинулся аккуратно подстриженный зеленый, как ему и положено было быть в это время года (случай произошел весной), газон.

Добравшись до нужного места, Писатель перекинул скамейку через ограду и сам прыгнул следом, намереваясь пройти вдоль ограды кладбища по периметру и таким образом сэко-

номить время, так как не придется пробираться сквозь кусты и деревья и обходить на каждом шагу могилы. Закинув скамью на плечо, он зашагал к видневшимся вдали кирпичным столбам кладбищенских ворот.

Внезапно краем глаза он обратил внимание, что из мчавшихся бурным потоком авто одно начало замедлять ход, а потом и вовсе, остановившись, начало спускаться с трассы прямо на кладбищенский газон и взяло курс в его направлении. Это был огромный черный японский джип с наглухо тонированными по бокам стеклами. В лобовое стекло он успел разглядеть две начисто бритые головы с пышными бородами. Почти поравнявшись с Писателем, джип повернул и двинулся с крейсерской скоростью параллельно идущему. Одновременно с этим маневром опустилось заднее стекло, и теперь на него в упор уставились три пары внимательных глаз.

Писатель был далеко не трус, но согласитесь, что в Татарстане, да и в любом другом регионе, такое пристальное внимание лихих братьев может вызвать беспокойство. Поражала также та беспардонность, с которой компания среди белого дня катается по газонам. Такое шествие продолжалось пять-шесть минут. Обе стороны хранили молчание: лихие братья ждали, что сопровождаемый ими остановится и заговорит, а Писатель, нацепив покерфейс, не собирался прерывать свой поход, потому что ему нечего было сказать незнакомым людям.

Не выдержав игры в молчанку, бритый парниша с заднего сиденья вдруг произнес: — Фарит, давно освободился? Чего не здороваешься?

Картина в голове Писателя стала проясняться: парни обознались, и требовалось объяснить им истину, пока общение из-за недопонимания не перешло в горячую стадию. Писатель остановился, поставил скамью на землю и, глядя в дружелюбные, полные заботы о ближнем своем лица, подумал про себя: «Надеюсь, этот Фарит не одалживал у них денег под проценты».

Но вслух ответил:

— Парни, вы попутали меня с кем-то. Никакого Фарита я не знаю, у меня и в родне-то таких нет, — для достоверности соврал он.

Автомобиль наконец-то остановился, и водитель, самый глазастый — не зря, по-видимому, его за баранку посадили, — смог полноценно рассмотреть Писателя, после чего вынес вердикт:

— Да это не он, похож просто. Они в этом городе все на одну рожу, боксеры.

У Писателя действительно были чуть набухшие брови и приплюснутый нос — результат юношеских тренировок и спаррингов. Сидевший на переднем сиденье браток, до этого не вступавший в полемику, произнес:

— Бывает же. Ну, бывай, бродяга! — и прощально помахал могучей ладонью, после чего поднял тонированное стекло. Джип резко вывернул на трассу, и веселые конвоиры Писателя скрылись в потоке автомобилей. «Поехали приносить пользу обществу», — подумал Писатель, развеселившись такому легкому разрешению этой непонятной ситуации.

Вот и в этот раз произошла путаница, по всей видимости, из-за волнения, которое теперь, войдя в кабинет, она уже с трудом сдерживала, а может, Писатель настолько вжился в роль, что выглядел столь убедительным. Так или иначе, она поверила, что перед ней тот самый психолог, на встречу с которым она так долго не решалась пойти. Удивительные, глубоко-изумрудного цвета ее глаза были полны слез. Вцепившись в бежевую от «Шанель» сумочку обеими руками так, что побелели костяшки пальцев, она наконец заговорила:

— Здравствуйте, меня зовут Анна-Мари. Я по записи, мы договорились с вашей секретаршей на одиннадцать, но я решила подъехать чуть пораньше, так как этот новый район мне мало знаком, а опаздывать не в моих привычках. Вас это не побеспокоило?

Писатель про себя отметил, как правильно и тактично она строит фразы и четко произносит окончания. Мысль, что перед ним богатая, красивая, но пустоголовая мартышка, умерла сразу, не успев окрепнуть и закрепиться в его сознании. У нее был низкий, даже слегка хрип-

ловатый, волнующий голос. Даже в таком смятенном состоянии чувствовалось, что перед ним — волевая и самодостаточная натура, вне всяких сомнений, способная за себя постоять.

В ответ на ее вежливый, но риторический вопрос он отрицательно помотал головой, так как сам находился в полном замешательстве от столь неожиданной и знаковой для него встречи. Ситуация очень напоминала водевиль, и будь перед ним сейчас кто-то другой, он бы рассмеялся над далеко зашедшей собственной шуткой, но сейчас ему было не до смеха. Прямо перед ним стояла женщина, которую он пусть и заочно, но страстно желал долгие годы, и, конечно, последнее, что он мог представить, — это встречу при таких странных обстоятельствах.

Естественно, все эти годы он жил с другими женщинами, но Анну-Мари он оберегал как идеал и хранил глубоко в сердце свою любовь к ней, никогда никому об этом не рассказывая, по ряду причин. Первой из них было то, что она была долго и, как он считал, счастлива замужем за богатым бизнесменом — наследником основателя завода по розливу питьевой воды. У нее было двое прелестных детишек, которых она сама, без нянь, с удовольствием воспитывала. Второй причиной была огромная разница в общественном положении. Анна-Мари принадлежала к уже окончательно сформировавшемуся в современной России классу так называемой новой аристократии, в реальности не имевшей к людям с голубой кровью никакого отношения, но обладающему огромными капиталами, что позволяло им считать (пусть и в кавычках) себя таковыми. Писатель же в этой иерархии мог считаться плебеем. Отсутствие собственной подтвержденной финансово-материальной значимости хотя и мешало полноценно заниматься творчеством, так как перед ним постоянно вставал выбор — или зарабатывать, или писать, — но сломать его, убив в душе творца его внутреннего ребенка, не смогло. В конце концов он пришел к компромиссу: соглашался на небольшие подработки, после чего уходил в работу над книгами.

Однако в отношениях с женщинами такая схема не работает. Большинству хорошеньких девушек творчество, если оно немедленно не монетизируется, и богатый внутренний мир мужчины нужны «как рыбе огурцы». Согласно последним исследованиям, люди с низким доходом воспринимаются как менее компетентные, менее рациональные и иногда неполноценные, а низкий социальный статус может запускать холодные, отчуждающие оценки и снижение готовности этим людям помогать… Эпитафией ко всему сказанному может послужить лишь одна нетленная фраза, произнесенная великим Ремарком, которая все объясняет: «Как же страшно любить женщину и быть бедным!» Третьей же причиной, почему Писатель не решался признаться Анне-Мари в любви, служило то, что он боялся насмешек и отказа из-за существенной разницы в возрасте. Он был старше ее на целых два собачьих века — двадцать лет.

Фраза «Нет никакого «рано радоваться» или «поздно радоваться». Радоваться надо тогда, когда хочется радоваться» — была одной из любимых, придуманных им самим жизнеутверждающих истин, но далеко не все окружающие ее принимали. Тема любовных отношений пары со значительной разницей в возрасте всегда воспринимается неоднозначно, за исключением тех случаев, когда эти люди принадлежат к творческому бомонду, где неравные браки и наличие муз — норма. Для обычного «пипла», какие бы доводы ни приводились и какие бы аргументы ни предоставлялись, все равно всё неправильно. Для обывателя, в реальности интересующегося только своими проблемами, существует только два объяснения таких отношений: первое — она с ним за бабки; второе — он любитель молоденькой клубнички. Других альтернативных причин типа любви, страсти, взаимного уважения у затюканной бытовыми вопросами лысеющей фабрики по производству целлюлита, поклонников тик-тока или ее мужа — ходячего месторождения запасов природного газа — быть не может. Писатель же, хотя также относился к биологическому виду гомо сапиенс и был уже не молод, но не потерял способность анализировать, а следовательно, предполагать наличие каких-либо иных причин таких отношений, кроме двух озвученных. К тому же такое он в своей жизни уже встречал.

Эта пара вошла в час пик в распахнутую дверь вагона метро, наполненного возвращавшимися с работы людьми, мечтающими поскорее выбраться и добраться домой из этой железной клоаки. Они сразу бросились в глаза окружающим необычной для этого города и мира в целом особенностью: от них распространялись флюиды умиротворения и счастья. Они явно были влюблены. Следующее своеобразие этой пары заключалось в том, что у них была заметна значительная разница в возрасте — явно больше двадцати лет: ему под пятьдесят, ей внешне не больше двадцати пяти. Мужчина среднего роста, симпатичный, со слегка помятым лицом, какое бывает в его возрасте после бурной вечеринки или безудержного, забойного секс-марафона. Одет он был в светлый, ближе к бежевому, плащ, из-под полы которого выглядывали серые брюки и коричневые ботинки на низком каблуке. Девушка — очень светлокожая, полноватая пышка с голубыми глазами в ореоле из распушенных русых волос. Лицо отражает здоровье и спокойствие, но в уголках губ застыла стыдливая полуулыбка, источник которой — неоднократно пережитый оргазм. Одета она была в светло-желтый, почти канареечного цвета кардиган, слегка натянутый на крепкой груди. Короткая синяя юбка открывала вид на вполне себе стройные, крепкие ноги в чулках телесного цвета. Взгляд Писателя задержался на ее коленях: чулки не скрывали того факта, что они были в свежих ссадинах и стремительно наливались синевой. Явно девушка недавно стояла на коленях, причем двигалась, судя по тому, что на них виднелись и царапины. Писатель живо представил эту мадонну в позе догги-стайл на жестком ковролине, задиравшую голову вверх, подчиняясь требовательной руке партнера сзади, сжимавшего ее роскошную русую косу. На ее нежно-белой шее, наполовину скрытой волосами, тоже были видны синяки, от жадных поцелуев партнера. Конечно, все это он мог лишь предположить, но на ее теле были явно видны следы безудержного обоюдожеланного секса, и это было очевидно. Они стояли рядом, полуобнявшись. Мужчина держался одной рукой за поручень вагона, а другой прижимал ее к себе так, чтобы она могла обхватить его за талию под плащом. От их расслабленной позы веяло такой мощной удовлетворенностью от сбывшейся мечты, что Писатель впервые в жизни усомнился в высказывании пророка Мухаммеда: «Рай находится под ногами матерей». Было заметно, что мужчина чуть смущен, понимая, что их страсть слишком заметна окружающим. Лицо же девушки словно говорило: «Я выполнила свое настоящее, данное мне природой предназначение, и какое же счастье, что этим мужчиной оказался мой любимый человек!»

Звучит примитивно, но невозможно обрести в мире гармонию, не найдя свою вторую половинку: для каждой гаечки — свой болтик, для каждой выемки — свой камешек. Найти в современном мире идеально подходящего по всем параметрам партнера — очень сложная, многоуровневая задача. Если от природы, по рождению, отсутствует везение, потребуется или снизить критерии, или максимально увеличить количество попыток. Но в таком случае девушка легко может испортить себе репутацию: ее осудят и назовут распущенной. Но если вдобавок ко всему девушка будет искать в мужчинах отца и ее будет неотвратимо тянуть к мужчинам старше себя, ее тут же заклеймят обидным прозвищем «содержанка», сумев рассмотреть в таком предпочтении только корыстный интерес. «Да она папиков ищет, спонсоров», — подумают, а может, и выскажут вслух необразованные добропорядочные обыватели и будут неправы. О том, что в социуме имеет место факт присутствия молодых женщин, ищущих взрослых мужчин, способных отчасти заменить им потребность в отцовской заботе, и способных искренне полюбить такого мужчину всем сердцем без капли материального интереса, граждане-господа, хулители-поносители не слышали, а если и слышали, то, не придав значения, благополучно позабыли.

Действительность же такова, что в обществе действительно существует и нормально развивается образованный, безо всяких физических недостатков и психологических травм небольшой процент девушек, которые в силу различных причин категорически отвергают общество сверстников. Им скучна их болтовня, актуальные у молодых хотелки и образ жизни,

а главное — отвратительна беспричинная, эгоистичная жестокость, которая так часто сопутствует парням в начале их жизненного пути. Юниорам обоих полов кажется, что весь мир сосредоточился вокруг них самих и их желаний, которые, несомненно, должны исполниться. Люди постарше в то время кажутся уже отжившим материалом — источником денег или поводом для насмешек в зависимости от их финансовых возможностей. Но этот небольшой процент девушек знает, на что способны зрелые интеллигентные мужчины и что они могут дать такой недостающий со сверстниками драгоценный ресурс, как человеческое понимание и ласку, и, конечно, надежное крыло, под которым можно спрятаться в случае неизбежных жизненных трудностей. Взрослый мужчина при условии, что он умен, способен выслушать, понять и дать хороший совет, принять любимую такой, какая она есть, со всеми ее недостатками и родинками. Что касается интима, он не станет, снедаемый гормональным взрывом, сдирать с девушки трусики и пытаться всунуть палку в сухое, невозбужденное лоно, эгоистично стремясь доставить удовольствие только себе. Опыт подтолкнет его в первую очередь подумать о партнерше, проявить чуткость, сосредоточиться на прелюдии. Писатель обо всем этом был прекрасно осведомлен, но это не означало, что Анна-Мари окажется такой девушкой-девочкой, ищущей зрелого в обоих смыслах партнера.

И вот женщина, о которой он мечтал столько лет, за которой наблюдал, затаив дыхание, — как она ходила, вынашивая своего ребенка, затем нарезала шаги в парке, сбрасывая вес, выгуливала собаку, меняла стрижки, маникюр, машины, серьги... В общем, проделывала все то, из чего состоит жизнь обеспеченной молодой женщины из светского общества. В этот миг его мечта стояла перед ним — так распорядились звезды. Он вспомнил, как она ходила по парку, насчитывая свои пресловутые десять тысяч шагов. Она проходила мимо, как океанский лайнер, совершенно не глядя по сторонам и никого вокруг не замечая. Шла, погруженная в свои мысли, с устремленным перед собой взглядом или же что-то беспрерывно наговаривала в свои модные белые беспроводные наушники. На сидящего в парке Писателя она не обращала ни малейшего внимания, а он все видел и с развитой писательской въедливой памятью складировал в мозг фигуру, походку, запах! Даже с закрытыми глазами он бы узнал ее запах. Среди тысяч и тысяч щебечущих, напудренных, орошенных всевозможными духами и дезодорантами манекенов ее отличал свой, неповторимый запах — «запах женщины моей». Этот шлейф, который распространялся и словно висел в воздухе еще несколько минут после того, как она прошла, бил ему, минуя мозг, прямо в тестикулы и кричал: «Внимание, активизируйся, будь настороже! Перед тобой настоящее чудо природы — прекрасный экземпляр цветущей красоты и здоровья. Дерзай — и обретешь счастье!» Ох уж эти запахи, сколько всего они понаделали. Благодаря им цари женились на служанках, а графини бросали замки и уходили вслед за нищим, пешим, странствующим рыцарем, у которого не было денег даже на лошадь. Запахи нельзя недооценивать. Власть и счастье тем, кто сумел их приручить и познал их силу. В древние времена свахи приносили девушке платок, пропитанный феромонами, возбуждающими мужчин, и вот старая, конопатая, засидевшаяся в девках мадмуазель выходила замуж за самого завидного жениха в деревне. Запахи могут всё. Обоняние — этот придуманный природой механизм — безошибочно подскажет, какая женщина принесет вам здорового ребенка. И если вы по незнанию захотите сблизиться в интимном плане с родственницей, запах оттолкнет вас от этого шага, дабы избежать кровосмешения. «Наваждение!» — обреченно говорят запутавшиеся в безнадежной любви романтики. «Запах», — безапелляционно утверждает природа. Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Писателя, и он принял решение: ее надо удержать любым путем. Такой шанс случается раз в жизни, сами ЗВЕЗДЫ БЛАГОСЛАВИЛИ. Вне стен этого кабинета, в реальной жизни, где все определяет количество денег и покупательная способность, Писатель у Анны-Мари — привыкшей к роскоши дамы, принадлежащей к высшему обществу, — имел статус «зеро» и не мог вызвать никакого интереса. «Фишки брошены, будем играть», — решил он и, поднявшись с кресла, пошел ей навстречу.

— Здравствуйте! Рад вас видеть на своем скромном рабочем месте. Как к вам можно обращаться?

— Анна-Мари, через дефис, — ответила она и добавила: — Такое вот нераспространенное в России имя — прихоть моих родителей. Назвали в честь бабушки матери и отца, чтобы никому не было обидно.

Она начала оглядываться в поисках места, на которое можно было бы присесть. Писатель, испытывавший в этот момент не меньшее волнение и находясь в легком ступоре, забыл предложить ей кресло. Еще доли секунды, и прострация прошла, мозг Писателя заработал как всегда четко и максимально креативно. Он не собирался сейчас здесь с ней рассиживаться, подвергая себя опасности разоблачения и теряя свой единственный, впервые выпавший за столько лет шанс пообщаться с мечтой.

— Анна-Мари, — обратился он к ней, нацепив на лицо самое мудрое выражение, на какое был способен. — Я, конечно, не Карл Густав Юнг пока и не являюсь светилом мировой психологии, но стремлюсь к этой вершине и как раз собираюсь протестировать собственную оригинальную методику работы с пациентами. Если не углубляться в подробности, то ее суть заключается в том, что я ушел от обычной практики необходимости обязательного посещения своего кабинета.

Тут Писателя понесло.

— Да, я прекрасно осознаю, что поступаю вопреки всем канонам, принятым в современном психоанализе, где непосредственный контакт врача с пациентом обязателен, но делаю это осознанно, потому что ищу новый нестандартный метод. Который, как я небезосновательно предполагаю, приведет к лучшему пониманию проблем пациента — к тем глубинным проблемам, которые он стесняется или боится озвучить даже лечащему врачу. Суть изобретенного и тестируемого мною метода заключается в том, что вы не будете приходить ко мне в кабинет, а будете писать письма и отправлять на указанный адрес. Я, в свою очередь, проанализирую их и выскажу свое мнение также письменно и при личных встречах — например, во время совместных прогулок в парке или в любом другом общественном месте, где будет возможность побеседовать в неофициальной обстановке.

Затем Писатель продолжил:

— Если вы согласны, то я вам сейчас задам несколько основных тем для писем.

Анна-Мари, слегка помявшись, утвердительно кивнула.

Внутренне ликуя, что сможет таким образом войти в личный мир этой прекрасной особы, он продолжил:

— Зигмунд Фрейд как-то сказал: «Тайна человеческой души заключается в психических драмах детства. Докопайтесь до этих драм — и исцеление придет». Исходя из этой истины, первая тема, которая меня интересует, — ваше детство, затем уже все остальное: взросление, становление и замужество. Ведь вы замужем?

Анна-Мари еще раз молча кивнула.

— Ну и заключительной темой для письма станет то, зачем вы сюда пришли.

Писатель быстро продиктовал ей адрес своего недавно построенного в «Тмутаракань» на окраине города дома.

— Моя секретарша еще не поделилась вашим контактом, продублируйте, плиз.

После обмена телефонными номерами Писатель встал и произнес:

— Ну, для первого ознакомления, думаю, достаточно. Не смею вас больше задерживать, — и двинулся к ней, потихоньку выпроваживая ее из кабинета.

В голове пронеслась мысль: «Получилось! Она поверила!» В пользу такого успешного начала его аферы сыграло два фактора: ее взвинченное состояние и то, что Писатель действительно имел познания в психологии — хоть и поверхностные, но достаточные, чтобы произвести впечатление на несведущего человека. Ну и косвенно повлияло то, что здание построили

недавно специально под офисы и никто в городе толком не мог знать, что там находится, что где расположено и какие конкретно там услуги оказываются.

Писатель прошел к дальнему окну, расположенному на противоположной стене кабинета. Оно выходило на парковку, предназначенную для машин клиентов и посетителей офисов. Анна-Мари как раз подходила к своему спортивному БМВ — издали она полностью воплощала в себе образ светской дамы из высшего общества. Коричневое платье в горошек, бежевые туфли без каблуков и бежевая сумочка; голова чуть откинута назад, словно от тяжести собранных в клубок густых светлых с отблесками платины волос.

Выезжая с парковки, она проехала мимо окон офиса, и Писатель успел уловить ее взгляд. Все тот же устремленный строго вперед и не замечающий ничего вокруг взгляд принцессы крови. Такому взгляду, как и выражению лица, невозможно научиться — это врожденное качество, как цвет волос или длина пальцев. Она никого из себя не корчила, такова была ее природа.

Автомобиль Анны-Мари уже скрылся в дали, а Писатель все стоял у окна и думал о ней. Была у него такая привычка — продолжать диалог с человеком, с которым только что расстался или поговорил по телефону; привычка одинокого человека, склонного пофилософствовать.

«Да, леди, настоящая леди. Как, наверное, ее лелеют и холят в семье! Еще бы — такая породистая женщина с выдающейся природной красотой».

И тут неожиданно он поймал себя на мысли, которая до этого не приходила ему на ум: а чего, собственно, ей, такой успешной, молодой, красивой, в этой жизни не хватает? Молодой муж из богатейшей семьи города, огромный дом, двое здоровых ребятишек... Она не была похожа на тех экзальтированных дамочек, про которых в народе говорят, что они с жиру бесятся, выискивая у себя несуществующие биполярные расстройства. Чтобы сойти с ума, его как минимум надо иметь, а все мозги у таких дам находятся в одном неприличном месте, и ходить им надо лечиться к проктологу, а не к психотерапевту.

Про модное в наше время у женского пола РПП Писатель даже и не думал: женщина с такой превосходной фигурой никакими пищевыми расстройствами страдать не может, на анорексичку она вовсе не была похожа.

Наконец-то дождавшись хозяина кабинета, Писатель получил с него расчет и, уже направляясь к двери, услышал:

— Слушай, дружище, я тут задержался немного, извини, что заставил себя ждать. Я хотел узнать: пока меня не было, сюда по мою душу никто не приходил?

Писатель остановился и схватил себя пальцами за нос, словно сраженный внезапно наступившей амнезией, затем закатил вверх глаза, силясь что-то вспомнить. Переигрывать не стоило: Писатель прекрасно понимал, что перед ним стоит профессиональный психолог — врач, которого учили распознавать ложь во всех ее проявлениях по малейшим признакам, в том числе и невербальным. Хозяин кабинета в свое время получил диплом клинического психолога и как психиатр имел право ставить диагнозы, а также выписывать медикаментозные препараты.

Поэтому, выждав еще секунду, он ответил:

— Да, заходила одна молодая женщина, просила принести свои извинения. Сказала, что передумала посещать психолога, так как в данное время еще морально не готова к этому. Она хотела передать это лично, зачем, собственно, и приезжала.

К счастью для Писателя, доктор, существенно озабоченный расходами по текущему ремонту, ослабил свою бдительность, поэтому и не обратил должного внимания на его ложь и странность в поведении женщины. Хотя, быть может, за годы, проведенные в общении с проблемными людьми, он насмотрелся всякого и на такие чудачества уже просто не обращал внимания.

Распрощавшись с доктором, Писатель рысью двинулся в сторону ближайшей остановки. Он находился в режиме строжайшей экономии и передвигался исключительно на общественном транспорте — благо у него был льготный проезд как у ветерана боевых действий.

Рыцарь пера и бумаги с пустыми карманами — настоящий творец. Считается, что идеалы богемной жизни впервые воспел Анри Мюрже в своем произведении «Сцены из жизни богемы», которое начало печататься в журнале «Corsaire» в 1847 году, и именно ему принадлежит фраза: «Настоящий художник должен быть голодным». Так и есть, потому что сытый художник — это маляр, а сытый скульптор — ремесленник.

Так ли это утверждение бесспорно, что творец способен сотворить шедевр только будучи нищим, или это романтический бред — мы увидим далее. За тысячелетия развития письменности писатели и философы столько понаписали аксиом и истин, зачастую противоречащих друг другу, что уже невозможно вычленить что-то, что уже не было бы опровергнуто другим мыслителем. А пока по всем общепринятым критериям у романтиков Писатель соответствовал: был он волевым, талантливым, голодным до признания зрелым мужчиной, у которого отсутствовала только одна суперспособность— платежеспособность.

Сидя в полупустом автобусе и разглядывая улицы города и снующих по тротуарам прохожих, Писатель резюмировал все, что он о ней знал. Картинка выходила нарядная, исключавшая какие-либо проблемы: богатый муж, успешный брак, детки-конфетки и вообще вся лакшери и дольче вита — богатство, коттедж в престижном районе и квартира в элитном ЖК. Да какие вообще могут быть проблемы с психикой у молодой успешной дамы в расцвете ее природной красоты? Да, большинство людей, имея половину из этого набора, надевают корону и восседают на лаврах, потому что для рядового обывателя именно так и выглядит удавшаяся жизнь. Но развитая за годы самообразования интуиция подсказывала ему, что здесь что-то нечисто: возможно, за красивой витриной роскошной жизни происходит драма, и скрывать ее Анна-Мари уже не в силах, иначе не обращалась бы к врачу. Что послужило причиной ее психологических проблем, теперь ему предстояло узнать и постараться помочь. «Назвался груздем — полезай в кузов», —никуда не денешься.

За окном в лучах осеннего солнца блестели трамвайные рельсы. Вагоны были заполнены бабульками, возвращавшимися с дач: у каждой имелись полные корзины и ведра собранного урожая. Неистребимая у россиян тяга к земле отражалась осенью и весной в полной мере, и дело уже давно не в отсутствии продуктов на прилавках (рынки и магазины завалены зеленью), и даже не в недостатке денег. Дачи содержат и занимаются огородом и состоятельные граждане. Дело в том, что россияне ловят дзен, работая с землей, и совершенно бесплатно занимаются оздоровительной физкультурой — это можно назвать русским агрофитнесом. Вместе с тем это занятие носит элемент языческого шаманства — акт гармоничного воссоединения с природой и родной землей. Все врачи в поликлиниках знают: стоит только начаться огородно-дачному сезону, как удивительным образом все коридоры больниц пустеют. Еще вчера толпами атаковавшие двери кабинетов бабульки экстренно самоисцеляются. Та самая бабуля, которая просила помочь ей встать со скамьи на автобусной остановке, прибыв на свой дачный участок, тащит одновременно два двадцати пятилитровых ведра с речным песком для любимой морковочки, чтобы посыпать грядки. Радикулит, артрит и остеопороз забыты и побеждены. Бабуля, умиравшая из-за высокого давления всю зиму и почти не узнававшая своих внуков, как только растаяли снега, срочно передумала оставлять этот бренный мир. Нацепив на спину оставшийся от мужа, работавшего молотобойцем на железной дороге, рюкзак, под завязку забитый шестнадцатью килограммами семян укропа и свеклы, она уже десантируется на свой пригородный участок. Звучит как парадокс, но у гробовщиков из ритуальных услуг наступает мертвый сезон. В Набережных Челнах за всю историю города летом не умерла ни одна бабуля, имевшая дачу или приусадебный участок. Им некогда умирать — еще картошка не окучена.

С такими мыслями Писатель прибыл в офис на очередное собеседование. Выслушивая скучный, уже давно заученный им не хуже менеджера по персоналу монолог о том, что в крупную, перспективную, стабильно развивающуюся компанию требуются сотрудники (далее следовало перечисление вакансий, настолько длинное, что у Писателя складывалось впечатление, что в этой компании, кроме владельца, генерального директора и самого менеджера по персоналу, на сегодняшний момент никого нет), он лишь усмехался. Так что все замечательные творческие должности, начиная от дворника и заканчивая оператором конвейера, наборщиком продукции и грузчиком, были в его полном распоряжении.

Ни на секунду не отводя глаз от фотографии Одри Тоту, висящей на стене прямо за спиной Писателя, менеджер скороговоркой рассказывала ему сказку о преимуществе построения карьеры именно в их великолепной компании. Все это Писатель многократно слышал и уже принял решение, теперь просто ждал момента, когда менеджер предложит традиционное для новобранцев угощение: кофе с печеньками или пончиками. В этот раз на столе появились колечки, посыпанные шоколадной глазурью, очень приличные на вкус. Такую неслыханную щедрость, проявленную к соискателю на первом собеседовании, он тут же объяснил ужасающе бедственным положением компании в наборе сотрудников. Из хороших фирм не бегут; там, где все «ОК» по условиям и оплате, проблем с набором сотрудников не существует — как раз наоборот. Знакомые везунчики, устроившиеся в компании на должность, где не дует и не протекает крыша, ждут не дождутся, когда коллега сломает ногу или любую другую конечность либо уйдет в творческий запой, чтобы тут же занять в корпоративном строю место бедолаги.

Внимательно выслушав менеджера и откушав кофе, Писатель решил засим откланяться, пообещав все пренепременно позвонить любезной сотруднице, и даже позволил себе поинтересоваться ее статусом, относящимся к личным вопросам. Которые, в принципе, в рамках этой деловой встречи обсуждать не должен был. Этот интерес он проявил не из эгоистичной мужской самоуверенности и уж точно не из рабской заинтересованности подлизаться к начальству, а потому что Писателю ее было искренне жаль. Честную, не очень внешне привлекательную девушку, удел которой — навсегда раствориться в офисном планктоне. Увидев, что этот немолодой, но сильный, стильно одетый мужчина проявил к ней интерес, девушка тут же расцвела. Она перестала разглядывать фото на стене и, глядя прямо в глаза Писателю, заулыбалась, ожидая продолжения и просьбы дать личный номер телефона. Получив долгожданный номер, Писатель бодрой походкой отправился восвояси.

Вечером, когда стемнело, он вышел подышать свежим воздухом перед сном на террасу, выходящую прямо на старинный парк. Природа готовилась ко сну: выпала первая роса, и листики, чуть пожухлые от ушедшего уже в небытие летнего зноя, заблестели алмазной огранкой в свете зарождающейся луны. В овраге за дорогой, несмотря на уже наступившую темноту, обеспокоенно переругивались галки.

Наступало время благословенной ночи — покоя и награды для всех трудившихся. Писатель ложился очень рано, в районе девяти, потому что прекрасно знал, на какое время приходится самая полноценная выработка гормона сна — мелатонина. К тому же именно в такие дни ему снились самые необычные сны.

Сон — весьма презабавная штука, и с ним связано множество интересных историй. Например, всем известно, что Менделеев увидел свою таблицу во сне. Знаменитый на весь Союз «МММщик» Мавроди брал на работу в руководство только людей, видевших цветные сны. Композиторы видят во сне симфонии для скрипок с гитарой, художники-баталисты — картины сражений, а рыжий кот Писателя Муртаза видел во сне, как поймал и тащит в кусты вишни зазевавшуюся синичку.

Но Писатель был единственным на планете человеком, который во сне выслушивал лекции по экономике, а в последние годы в них стали присутствовать темы ИИ. Выглядел сам процесс весьма забавно и чем-то напоминал сцену из знаменитого фильма Люка Бессона «Пятый

элемент», только в обратной последовательности. В фильме красотка Лилу ускоренно поглощает информацию из компьютера об истории развития человеческой цивилизации. У Писателя происходило все наоборот: он через глаза, как проекторы, ретранслировал на экран то, что читал или просматривал до этого. Он словно видел красочный документальный фильм, созданный в его голове.

ГЛАВА ВТОРАЯ
«СОН ПИСАТЕЛЯ»

— Мы живем в эпоху ограничений, наложенных истощением биологических ресурсов, — вещал закадровый голос. — Это выработка ископаемых до степени нерентабельности дальнейшей разработки. Нашей цивилизации грозит голод. Согласно статистике, население Земли составляло в начале 1900 года 1,6 миллиарда, на сегодняшний день этот показатель превысил отметку в 8 миллиардов, а по прогнозам ученых, в 2030 году планету будут населять 8,5 миллиарда человек. Экономист и демограф Томас Роберт Мальтус (1766–1834) был первым, кто озвучил эту теорию, утверждавшую, что неконтролируемый рост народонаселения может приводить к снижению благосостояния и массовому голоду. Его идеи легли в основу мальтузианства — социально-экономической концепции, объясняющей взаимосвязь между ростом населения и ограниченностью ресурсов. Он описал ее в книге «Опыт о законе народонаселения» в 1798 году, в ней он озаботился вопросом, что при такой скорости роста населения человечеству вскоре станет не хватать продовольствия. Теория не осталась незамеченной: в 1972 году членами Римского клуба был опубликован доклад по теме проблем человечества под названием «Пределы роста», — продолжал диктовать голос. — В этом докладе ученые предсказали неограниченный рост мирового населения с удвоением каждые 33 года. Да, действительно, на сегодняшний день более 800 миллионов человек голодают, но связано это вовсе не с ростом населения, а с неравномерным распределением благ и перепотреблением в развитых странах. Как вы понимаете, члены Римского клуба к голодающим странам имеют весьма отдаленное отношение — их место дислокации там, где проживает «золотой миллиард». Именно их цивилизация занята неумеренным потреблением, обескровливая планету и кидая другие страны в пучину межнациональных войн, снабжая их оружием в обмен на доступ к их природным ресурсам. Именно эти представители «золотого миллиарда» стали изобретателями, а затем и основными провайдерами интернет-технологий, увлечение которыми закончилось грандиозным кризисом с падением дотком-компаний. Затем они создали почти игрушку — средство для коммуникации, мобильный телефон, который быстро переродился в монстра, пожирателя миллионов детских мозговых извилин в день, а практически все взрослое население превратил в дофаминовых наркоманов, зависимых от легкого получения удовольствия. Пятьдесят процентов детей в России, Корее и Японии подслеповаты. После того как они наделили гаджет функцией доступа к маркетплейсам и оплаты покупок онлайн, власть над людьми настоящих владельцев этих технологий стала безграничной. Чтобы несчастный, страдающий игроманией и шопоголизмом раб ни на минуту не отвлекался от рекламы нового продукта, они наделили гаджет способностью присылать уведомления якобы о громадных скидках на определенную категорию товаров. И когда, выпучив от жадности глаза, очередная ловительница скидок приобретает товар даже по действительно бросовой цене, она даже не понимает, что в результате лишилась денег, купив вообще не нужную ей вещь. Впрочем, в мире, где буддийские монахи открывают алкогольные бары под лозунгом «Объединение мостом духовного и земного», а в Японии открывают спа-салоны для собак, здравый смысл теряет свое первоначальное значение и становится абсурдом.

— Чтобы окончательно убедить загнанного в полную зависимость телефонного раба в том, что гаджет для него полезен, они установили на него пульсометр и счетчик шагов, — продолжал диктовать Писателю внутренний голос. — Очередным «прорывом» оказался проект ИИ, вначале якобы созданный, чтобы осчастливить население планеты и решить все нерешенные мировые проблемы — от медицины до голода и природных катаклизмов. Но оказалось,

что сам ИИ ничего нового создать не может, а просто-напросто перекомбинирует заложенные ранее в программу варианты; говоря проще — меняет слова местами. Мало того, он оказался еще и «Гражданином Соврамши», в чем убедилась судейская коллегия в Штатах: там один предприимчивый адвокат, наслушавшийся сказок о могучих способностях программы, решил обратиться к помощи ИИ в поисках прецедента по делу, которое вел. И ему удалось потрясти вселенную собственной смекалкой, поднапрягнув электронные микросхемы, ИИ ему такое дело нашел! Счастливый адвокат, втайне страшно гордясь собственной креативностью И ПРОДВИНУТОСТЬЮ В СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ, побежал в суд и построил защиту, ссылаясь на выданный ИИ прецедент как на достоверный факт. Не знаю, в каких фразах на заседании ему ответил прокурор штата на английском, но могу представить, как это было бы озвучено на русском: «Ты что, с дуба рухнул? Ничего поумнее придумать не смог? Где ты такую чепуху выкопал?» Тогда, горя праведным гневом и возмущенный таким вопиющим невежеством остальных присутствующих юристов, горе-адвокат показал документ с датами и подписями, созданный для него ИИ. Тут-то и выяснилась пренеприятнейшая правда: документ был полностью сфабрикован, выражаясь юридическими терминами, и сгенерирован, выражаясь техническим языком. ИИ его просто придумал! Это настолько брехливая программа, что, если вы спросите у нее, какую водку предпочитал пить потрясатель вселенной, вождь всех степных народов Чингисхан, она вам ответит и даже назовет марку.

Откуда горе-адвокату знать, что в ИИ заложены нарративы не только из реальной юридической практики, но и полные собрания детективов Агаты Кристи, Джеймса Чейза и других корифеев криминального чтива… Это казус, но представьте себе, если кто-то намеренно заложит в ИИ недостоверную информацию. Ведь процесс моделирования с помощью ИИ предполагает вначале полностью загрузить в нейросеть все данные, а это означает, что к ним получают доступ все, кто пользуется ее услугами. И если кто-то заинтересован в том, чтобы компания конкурента понесла убытки из-за ошибок, он может этим воспользоваться. В 202х году в России утекло в общий доступ полтора миллиарда персональных данных, — продолжал монотонно вещать внутренний голос Писателю. — Это в десять раз больше, чем население России. То есть о каждом человеке — от младенца до старика — утекло информации по десять раз. Что касается спасения человечества новыми медицинскими открытиями, которые должен был сгенерировать ИИ, то первый же пилотный проект — запуск программ ИИ для диагностирования пациентов в больницах и поликлиниках — показал, что уже через три месяца врачи стали терять собственные профессиональные навыки. Они не тупеют — они перестают доверять себе, собственному мнению, и это страшно!

Аналитики компании «Citrini Research» опубликовали мрачный прогноз, в котором утверждается, что внедрение ИИ-агентов может привести к массовому экономическому краху. Сценарий отчета предполагает удвоение уровня безработицы и снижение стоимости фондового рынка в три раза. К 2028 году прогресс ИИ резко увеличит производительность, что сделает избыточной значительную часть человеческого труда. Этот фактор, в свою очередь, повлияет на рост безработицы, а значит, приведет к падению потребительских расходов и снижению доходов всех производителей.

Великий ИИ еще в 2024 году должен был заменить семьдесят процентов всех клерков. Однако что-то пошло не так, потому что вместо тотального сокращения пришлось добирать сотрудников для того, чтобы они перепроверяли результаты работы ИИ. Авторы доклада даже придумали и ввели новый термин — «Призрачный внутренний валовый продукт» (Ghost GDP). Это ситуация, когда формат ВВП и прибыль растут, но циркуляции человеческих доходов и потребительских расходов не происходит. Для экономики США один из важнейших показателей — это потребительские расходы «белых воротничков». Этот класс формирует семьдесят пять процентов всех трат, а они как раз и составляют те семьдесят процентов клерков.

В общем, не будет в будущем ничего: ни театров, ни радио, ни телевизоров, ни дальнобойщиков, ни таксистов — один искусственный интеллект. «Кстати о таксистах: они давно уже пользуются плодами работы искусственного интеллекта, он встроен в гаджеты и называется навигатором», — может быть, возразит читатель. — «Задаешь ему точку, и он выстраивает маршрут, учитывая даже пробки».

И читатель окажется не прав. Нет там никакого ИИ, навигатор просто делегирует задачу на Яндекс сервере, соответственно, нет сотовой связи — вам трендец, доставайте бумажные карты. Правда, говорят, что есть приложение «OsmAnd», которое пользуется заранее загруженными картами, но я лично был на похоронах двоих путешественников в городке Лебедянь, которые въехали в железные, сваренные из толстых металлических труб ворота на дороге, которая на картах была указана как проселочная трасса. Откуда великому ИИ знать, что новый владелец птицефабрики, сквозь которую проходила эта дорога, запретил там проезд и установил крепкие, покрашенные темно-коричневой краской ворота? Куда и на скорости впендюрились ночью поклонники новых технологий, доверившие свои жизни искусственному разуму. И это не единичный случай, — продолжал нагнетать внутренний голос во сне Писателя. — Беспилотные автомобили периодически самовозгораются, забыв при этом открыть дверцы для того, чтобы пассажир сумел выбраться. Роботы, умеющие передвигаться на своих двоих пневматических костылях, вдруг начинают, выполняя невообразимые кульбиты, ломать при этом конечности вполне себе здоровым создателям. Восторженные дифирамбы, воспевающие идею о том, что ИИ совершит переворот в искусстве, тоже, как оказалось, не просто переоценены, а еще и несут в себе реальную опасность для жизни и здоровья.

«Как это может произойти?» — скажет читатель. А очень просто! Такой случай уже произошел в Великобритании. Казалось бы, безобидная такая затея, до этого всех поклонников ИИ восторгавшая, — что искусственный разум начнет генерировать гениальные литературные шедевры, — закончилась трагедией.

Так, в Англии семья из трех человек, трепетно любящих природу и ее плоды, насмерть отравилась грибами, собранными ими в ближайшем лесу. И все бы ничего такое случается повсюду, но есть один фактик: пособием для сбора лесного урожая послужила книга, которая, как позже выяснилось, была сгенерирована ИИ. Хитромудрый молодой человек просто издал ее под своим именем, выдав приведенный в книге текст за собственные многолетние исследования, проведенные в сложных полевых условиях, сопряженных с многочисленными опасностями — такими, как укусы кровожадных комаров, вой голодных сусликов по ночам, а однажды, да-да, вы не поверите, мужественному естествоиспытателю даже пришлось собственноножно (не на джипе) убегать от разъяренной фермерской коровы. Созданы гигантские кластеры, построены громадные дата-центры, или ЦОД (это комплекс зданий или помещений, где размещено серверное или сетевое оборудование, девяносто процентов мощностей которого на сегодняшний момент не загружено), потребляющие колоссальное количество электроэнергии. Вдумайтесь: для создания одного GPT-ролика требуется энергия, сравнимая с ежедневным потреблением огромного атомного ледокола. Неужели это так необходимо человечеству — потреблять столько энергии ради ролика, где утка ходит с кошачьей головой и распевает песенки голосом Монсеррат Кабалье?

Логичный и печальный вывод из этого сна напрашивался сам собой. ИИ никогда не сможет превзойти интеллектом человека, своего создателя, — он пойдет другим путем. За счет массовости и повсеместного внедрения, за счет доступности к мессенджерам, гаджетам и другим средствам распространения массовой информации он способен снизить общий интеллектуальный, в том числе и эмоциональный, уровень людей, и тогда он возглавит их. По аналогии с когда-то произнесенной нацистом фразой: «Дайте мне все средства массовой информации, и я из любого народа сделаю стадо свиней», — но здесь уже в планетарном масштабе.

Кстати, актуальный анекдот в тему: «Поле битвы. Кругом куча исковерканных, сломанных роботов, повсюду по полю бродят люди, вооруженные ручными огнеметами, и добивают роботов. И вот один угасающий робот говорит другому угасающему роботу:

— Слушай, а почему мы для уничтожения расы хомо сапиенс в качестве оружия выбрали луки и стрелы?

Тот отвечает:

— Основанием для выбора такого вида оружия стал статистический анализ. За всю историю человечества именно этим видом оружия было уничтожено больше всего людей».

И еще: почему этот суперинтеллект постоянно просит поставить галочку, чтобы убедиться, что я не робот? Я, например, в отличие от него, не обладаю могучим интеллектом, но легко могу определить: железная коробка с микросхемами передо мной или живое, думающее существо.

Следующий вопрос был обращен непосредственно к Писателю: «А ты уверен, что ИИ создан на благо человечества, а не в интересах кучки из четырнадцати человек, владеющих половиной запасов мировых богатств?»

Но вот голос стал все тише и тише, картинка на экране начала тускнеть, и сон стал рассеиваться, чтобы уйти в кладовую сознания.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
«НЕПОНЯТЫЙ И НЕПРИЗНАННЫЙ»

«Величина нашей неудовлетворенности жизнью в точности равна размеру незадействованного потенциала — то есть той силе, с которой мы не живем, любви, которую мы не выражаем, разуму, который не проявляем».

— Винченцо Росси

«Если вам не удастся выразить свои страдания во вполне определенной, четко структурированной форме, то вам крышка. Страдание сожрет вас живьем изнутри раньше, чем вы успеете что-либо написать. Структура — единственное спасение от самоубийства».

Мишель Уэльбек.

— Ненормальный! — радостно хихикала беззубая по малолетству лет девочка-соседка будущего Писателя и уничтожительно, как ей казалось, вертела пальцем у виска.

Писателя это жутко злило, он обижался: ему казалось, что в ее оскорбительной фразе присутствует доля правды. Ему до боли в сердце хотелось быть таким, как все окружающие его мальчишки, — погруженным в игрушки и мультики. Но Писатель родился другим. Его занимала жизнь цветов и насекомых. То, как цветы закрывались лепестками от предстоящего дождя, оберегая драгоценную пыльцу, казалось ему невероятным. В голове его роились мысли: как растения могут предсказать изменение погоды?

Пчелы и шмели, опылявшие клумбы и обширную поляну перед его домом, были его друзьями, а осы и комары становились врагами, с которыми он вел беспощадную войну. С наступлением весны он отслеживал борьбу снега и солнца, начиная с первых проталин и до роста кустиков мать-и-мачехи. Осенью, проводив последних перелетных птиц, он начинал ждать зимы и приветствовал первые заморозки, выбегая на улицу и тут же проверяя крепость льда на лужах в переулке собственным каблуком. Еще не начав изучать предмет «Природоведение», Писатель знал, откуда и до какого времени будут дуть ветра и до какого месяца будет холодно выходить из речки на берег, который приходился на северную сторону. Тогда он еще не понимал, да и не мог понимать, что вся эта развитая наблюдательность, склонность к самостоятельному осмыслению, ранимость, задумчивость, граничащая с рассеянностью, являются необходимой составляющей по-настоящему творческой личности. И что ему недобрая судьба уготовила полный огорчений, травм и разочарований путь к самому себе — к настоящему пониманию, кто он и в чем заключается его призвание. Что ему придется пройти по нему к своему предназначению, бережно сжимая в руках сосуд, подаренный ему от рождения и наполненный вдохновением.

И что потом, уже в зрелом возрасте, Писатель не осознавал, что его способность слушать тишину, радоваться, наблюдая подъем солнца, умение видеть рыцарские замки в облаках и в каждом узоре плитки или завитушке ковра встречать знакомых персонажей из сказок и лица людей — не признаки вялотекущей шизофрении, а творческий дар. Что такие черты характера, присущие Писателю, как врожденная любознательность, способность шутить и искренне смеяться, щедрость, доходящая до расточительности, — вовсе не признак инфантильности, а печать истинного творца, для которого Слово дороже Хлеба.

Долгие годы ему приходилось маскироваться под обыденность, скрывая свою настоящую суть, поддерживая малоинтересные для него разговоры о новых мощных моторах для катеров или о престижных марках авто. Притворно выражал восхищение приобретенными знакомыми и родственниками атрибутами красивой жизни и с показным вниманием выслушивал рассказы

о путешествиях к теплым морям, которые всегда для него были скучны и примитивны. Сам он всегда грезил о ледяных горных речках Полярного Урала, о непроходимой тайге предгорий Сихотэ-Алиня. В глубине души во время одиноких вечерних прогулок он знал и уже внутренне смирился с мыслью, что никогда не станет мещанином и останется человеком не от мира сего. Что он всегда будет задерживать шаг, заслышав классическую музыку, залипать возле больших окон, стремясь разглядеть в серой рутине будничного пейзажа что-то необыкновенное — то, что хочется запечатлеть взглядом и сохранить в памяти, так как это прекрасное зрелище возможно увидеть лишь раз за человеческую жизнь.

Это можно сравнить лишь с чувством, когда вы увидели первую полюбившую вас женщину, которая обнажилась ради вас: их потом может быть сотни, но второго такого момента в вашей жизни не будет. Это словно уникальный рисунок на песке, через минуту смытый волной, и вы больше никогда не сможете испытать того острого счастья, приступа от созерцания этой красоты.

С годами именно по вечерам Писателя охватывала гнетущая, всепоглощающая тоска, от которой некуда было деваться. Неизвестно, физиологический ли это процесс — типа снижения уровня сахара в крови к вечеру, — или сказывался эффект усталости за день. Но чувствовал он себя так, словно большой, сильный африканский хищник, волею судьбы закинутый в далекую холодную страну. И вроде все хорошо: есть теплый вольер, терпимо кормят и видит он даже изредка самок. Но ему не хватает просторов саванны! Заросших выгоревшей под безжалостным тропическим солнцем травой пастбищ, по которым кочуют бесчисленные стада антилоп. Запаха их пота, смешанного с бьющим в нос запахом страха, когда он смыкает на шее бьющейся антилопы свои клыки.

И когда невыносимое чувство неудовлетворенности от понимания, что он никогда не будет там — в единственном месте этого мира, в котором он может быть по-настоящему счастлив, — от несовершенства бытия и бешеного желания кинуть ему смертельный вызов достигало своего апогея, тогда лев издавал свой яростный рев, который должен достигнуть просторов саванны, а одинокий, покрытый шрамами старый волк, встав у края глубокого оврага, пел свою леденящую кровь песню.

А Писатель садился за тетрадь в клеточку, чтобы писать. Потому что этот труд — его оружие, его оборона против всех жизненных невзгод, его спасение, которое он так долго отвергал, пытаясь стать похожим на большинство. Свою первую книгу Писатель издал в сорок восемь лет —спустя ровно сорок лет после того, как начал писать рассказы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ «ПИСАТЬ ЗА ГРОШИ, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ О ПИСАТЕЛЬСКОМ ТРУДЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

Здравствуйте! Я немолодой человек, но молодой писатель. Творческий труд для меня — счастье. Счастье — это психологическое состояние, при котором человек испытывает внутреннее удовлетворение условиями своего бытия, полноту и осмысленность жизни, осуществление своего назначения. И казалось бы, все ясно и понятно, и есть готовый рецепт — гармония между духом и телом: пиши и живи этим…

Но тут вносит свою недобрую лепту госпожа Очевидность. Оказалось, что, начиная с 1992 года, писательский труд больше не является профессией — его законодательно убрали из Общероссийского классификатора профессий, придав этому призванию статус хобби. Это означает, что в новейшей истории России писательский труд — просто одна из форм развлечения, отныне не имеющая никакого отношения к Трудовому кодексу РФ. Ни гарантированной государством оплаты труда, ни трудового стажа, ни пенсии. Так что профессию писателя в России сгубил вовсе не искусственный интеллект, а чиновники, исповедующие религию дикого капитализма.

А какой романтичный ореол создан вокруг писателей — во многом благодаря Голливуду, да и советским фильмам! О роли влияния Голливуда на мышление и даже судьбы обычных людей, поверивших в сказки с «Фабрики грез», мы еще поговорим отдельно, потому что это имеет непосредственное отношение к нашей истории.

А сейчас окунемся в увлекательное путешествие по истории писателей России — от А. С. Пушкина до наших современников. Возможно, имеют место сотни примеров, как нищие творцы разведенной в дождевой воде сажей создавали гениальные, всемирно известные творения. Возможно, но о них мало кто слышал, и чаще всего это элементарно красивая байка, созданная, чтобы услаждать умы романтичных барышень — любительниц чтения. Если бы такое было реально возможно, тогда не существовало бы фразы, ставшей затем афоризмом: «На собственных крыльях высоко не взлетишь».

За каждым таким проживавшим в стесненных обстоятельствах, по словам историков-автобиографов, писателем при ближайшем, внимательном рассмотрении, как правило, выясняется, что у страдальца оказывалась то весьма доходная во времена Царской России должность, то богатый, опекающий любимого непутевого племянника дядюшка, то бабушка, не чаявшая души во внуке-поэте, то любовница, друг детства и так далее.

Предвидя яростную критику, что это утверждение является односторонним, очень субъективным мнением, что все достигалось трудом и никакой халявы не существует, заранее ставлю критиков в известность: еще как существует! И об этом прекрасно осведомлена вторая мышка, пришедшая следом за той, на ком захлопнулся капкан.

Поразительно, но доминирование рыночной логики зародилось уже тогда, и это вовсе не признак только нашего времени. Цена начинает восприниматься как эквивалент стоимости, доход — как эквивалент заслуг, а бедность — как доказательство личной несостоятельности. И лучше всего это видно на примере оплаты писательского труда.

В царской России писательский труд был сугубо элитарным занятием. Логика такого вывода исходит из простейшего понимания, что тогда бесплатно получить качественное образование было невозможно. Дополнительно в пользу этого вывода звучат данные историков, что

во времена творчества Тургенева в России был всего один процент грамотного населения, так что как читали, так и писали в те времена отнюдь не крестьяне.

Что касается дохода как эквивалента заслуг, то, кроме прибыли от родового поместья, Тургенев получал баснословные для того времени гонорары. В 60-х годах XIX века ему платили по 400 рублей за лист (годовой оклад интеллигентного человека, получившего образование по профессии учителя, равнялся этой сумме), а к 1870 году ставка выросла до 700 рублей за лист. За роман «Отцы и дети» ему выплатили 4776 полновесных царских рублей. Впрочем, проживание на курортах Европы с Полиной Виардо требовало больших расходов, и ему было на что потратить денежку…

Его коллеги по «рабскому труду» у писательского верстака не отставали. Льву Николаевичу Толстому за роман «Воскресение» в 1899 году отвалили 21 915 рублей, а роман «Анна Каренина» обошелся издателю в 20 000 рублей. Роман Гончарова «Обрыв» в 1869 году оценили в 10 000 рублей. Федор Михайлович Достоевский за бессмертный роман «Идиот» 1868 года издания получил 7000 рублей. Ну и менее известный ныне Михаил Загоскин за роман «Рославль, или Русские в 1812 году» (1831) получил гонорар в 4000 рублей.

Не приходилось мучительно выбирать, писать ли новую поэму или все-таки пойти подзаработать на хлеб насущный, и «солнцу русской поэзии» — гениальному Александру Сергеевичу Пушкину. Несмотря на колоссальные карточные проигрыши и пиры, его спасали божий дар и гонорары: поэма «Руслан и Людмила» принесла 1500 целковых, «Повести Белкина» — 5000, историческая драма «Борис Годунов» — 10 000, а роман в стихах «Евгений Онегин» (за все издания) — рекордные 40 000 рублей. Ну и как дополнительный бонус на случай, если великого вдруг покинет вдохновение: Николай I выделил ему персональное жалованье в размере 5000 рублей в год.

Что же касается не столь именитых писателей, то, например, А. Н. Майков, Я. П. Полонский и Ф. И. Тютчев имели доходы от государственной казны, так как служили в цензурном комитете. В. В. Крестовский был профессиональным военным, Н. Г. Гарин-Михайловский служил на железной дороге в качестве инженера-изыскателя, а Антон Павлович Чехов практиковал как земский врач. Он единственный выделялся из всей этой когорты как человек, действительно сделавший себя сам, и о нем я напишу поподробнее. Но вначале, чтобы современный читатель имел представление о том, какие значительные суммы составляли гонорары писателей в то время, напишу подробнее о средних ценах того периода.

На протяжении XIX века ценовые ориентиры выглядели следующим образом: деревенская изба со всеми постройками — около 100 рублей; четверть ведра водки (3,075 литра) — 5 рублей 30 копеек; шуба из меха черно-бурой лисицы — 100 рублей; взрослый крепостной крестьянин — от 25 до 200 рублей в зависимости от владения ремеслом; собственный лес площадью 200 гектаров — 5000 рублей.

Для полноты понимания приведу еще примеры для сравнения: какие в те времена были жалованья государственных чиновников из верхушки Табели о рангах. Даже при первом сравнении становится понятно, что доходы писателей в разы превосходили доходы чиновников — литература в те времена явно была в фаворе. В 1865 году чиновники седьмого и восьмого классов (прокуроры и советники) получали ежегодное вознаграждение в размере 750 рублей, столько же столовых и 500 рублей квартирных. Вице-губернатор (чиновник пятого класса по Табели о рангах) получал 1800 рублей в год плюс столовые и компенсацию за съем жилья — 770 рублей.

«В России литературные деньги добывать трудно: кому надо много — тому приходится и писать много», — сокрушаясь, говаривал Н. С. Лесков, получавший в 90-х годах 500 рублей за лист. Приводит в изумление, что все это литературное изобилие приходится на XIX век, когда грамотного населения в России насчитывалось менее миллиона человек — в пятьдесят раз меньше, чем в XX веке. Вот уж поистине золотой век для писателей! Потому что все эти

гонорары классиков — лишь бледная тень того, что происходило в литературной мастерской при СССР.

И еще раз, как обещал, об Антоне Павловиче Чехове. Об этом гениальном человеке написано немало, и лично у меня нет желания пиариться на его имени.

Почему же Чехов, спросите вы? Да потому, что Антон Павлович был настоящим патриотом своей страны: он не страдал мучительно от дум о тяжкой доле русского мужика, сидя с бокалом вина на Сицилии, не скакал с любовницами по курортам Баден-Бадена, не просаживал на рулетке десятки тысяч рублей в казино Висбадена и Гамбурга. Чехов на свои деньги путешествовал на Сахалин и строил больницы для бедняков, и этот факт возвышает его на две головы над пусть талантливыми, но уж очень меркантильными писателями-современниками.

Единственный период, когда ему пришлось покинуть Родину и проживать за границей длительное время, пришелся на конец 1897 года, когда он провел зиму в Ницце. На этот вынужденный шаг ему пришлось пойти из-за обострившейся чахотки, когда врачи посоветовали классику мягкий климат Южной Европы. Но уже в сентябре 1898 года Чехов переселился в Ялту, где построил дачу, где, кстати, не сумел обрести покой, потому что его так донимали поклонники его таланта, да и просто любопытствующие, что он вынужден был купить еще один маленький домик на самом берегу моря, где и работал в уединении. Но это уже совсем другая история и к нашему повествованию отношения не имеет.

Еще о психологии человечества: удивительно, но психика среднестатистического обывателя осталась все той же. И хотя понятно, что интеллект читающего человека более развит относительно мозга человека, занятого просмотром исключительно сериалов и потребляющего информацию только оттуда, с точки зрения получения удовольствия и приобретения дофаминовой зависимости от новизны и новых впечатлений ничего не изменилось.

Потому что еще во времена, когда кинематограф даже не зародился, люди уже нашли возможность получать дофамин порциями: только вместо сериалов они читали журналы, где писатели публиковали свои произведения частями. Именно журналы, а не полноценные книжные издания, сделали публиковавших в них отрывки писателей баснословно богатыми. Книга, выходившая сразу, в то время считалась не заслуживающей серьезного внимания, так как ее, скорее всего, забраковали все издательства, специализирующиеся на публикациях журналов.

Большой специалист в издательской деятельности П. А. Плетнев писал еще в далеком 1846 году: «В нашу эпоху чтение журналов стало исключительным выбором публики». И со временем тенденция только укреплялась. Это он еще забыл упомянуть отлично продаваемые пьесы для театральных постановок.

Дежавю, не правда ли? Спустя почти два века (180 лет) человечество помешано на сериалах, клипах, рилсах и шортсах. Ко всему прочему, книги тогда, как и отдельные фильмы сейчас, стоили дороже, чем одноразовые журналы и мыльные сериалы, соответственно, последние побеждали в массовости производства. В результате такой конкуренции будущие классики были вынуждены писать много и быстро. Ну а настоящие монстры литературного дела — такие величины, как Л. Н. Толстой, — вообще имели собственные журналы. Так, в Москве в 1862 году он запустил ежемесячное издание журнала «Ясная Поляна» с педагогическим направлением. И хотя эта его инициатива просуществовала недолго и пережила всего двенадцать выпусков журнала и двенадцать приложений к каждому выпуску, это говорит о том, насколько гений глубоко проникал в литературную деятельность, в том числе и в то, что на современном языке называется дистрибуцией.

Журналы имели значительное преимущество над книгой, именно туда авторы стремились отдать в печать свои произведения — гонорары там превышали книжные почти в десять раз. А все благодаря маркетингу, который обеспечивал легкость доступа к чтению для огромного количества читателей.

Конечно, среди писателей, вскормленных на благодатной, унавоженной вековым неравенством почве, существовали и редкие исключения — настолько редкие, что вполне укладываются в математическую погрешность. Те самые, что называют подтверждением правила, — единицы, которые всего добивались самостоятельно (в психологии это называют «ошибкой выжившего»). Можно привести в пример Николая Полякова (1825-1883гг), который был выходцем из небогатой семьи, рос сиротой и неизвестно в какой канаве закончил бы свою жизнь, непонятый и непризнанный, если бы не заметил его вовремя и не раскинул над ним свои благословенные крылья известный миллионер и издатель М. О. Вольф. Можно еще вспомнить Федора Сологуба, путь которого к большим тиражам легким назвать точно не получится.

Однако мы все понимаем, что талантливые писатели потому и талантливые, что способны росчерком пера так приукрасить собственные страдания, что заставят заплакать гранитных львов на Дворцовой пристани Адмиралтейской набережной. Тут надо отдельно упомянуть старания многочисленных автобиографов (писателей): им тоже требовалось чем-то заполнять собственные манускрипты, и они старались на славу. Потому как биография классика не может состоять из простого перечисления событий в его жизни. В таком случае автобиография Л. Н. Толстого, прожившего 82 года, уместилась бы в детской ученической тетради на двенадцать страниц.

Но весь этот праздник творческой мысли, все великолепие блестящей победы духа творчества над бренным бытием писателей XIX века — всего лишь жалкое подобие настоящего расцвета, истинного золотого века работников пера, который наступил в России после Октябрьской революции. Хорошо образованная интеллигенция, из которой состояла верхушка большевиков, прекрасно понимала степень влияния и силу печатного слова на массы. И поэтому сразу за первыми декретами, звучавшими как «Власть — Советам, фабрики — рабочим, земля — крестьянам», последовал следующий лозунг: «Ликвидация безграмотности» (ликбез). В стране стали организовываться рабочие факультеты (рабфаки). Вскоре всей этой многомиллионной, получившей азы грамотности массе, познавшей силу и красоту печатного слова и стремящейся к дальнейшему развитию, потребовалось что-то читать. И большевики взяли это движение под контроль, срочно и максимально щедро стимулируя лояльных новой власти писателей.

По данным Всероссийской книжной палаты на 2018 год, среди самых издаваемых авторов в отечественной истории числились: В. И. Ленин — 659 миллионов, Л. Н. Толстой — 450,3 миллиона, А. С. Пушкин — 376,5 миллиона, С. В. Михалков — 300 миллионов, М. Горький — 242,6 миллиона экземпляров. Если даже представить себе, что каждую из этих изданных книг хотя бы по разу прочел советский человек, то жители нашей державы перевыполнили план по чтению до 3022 года включительно.

В СССР законодательно было закреплено право писателя на получение процентов прибыли за каждое издание своих произведений в размере от 1,5 до 8%. Расценки выглядели следующим образом: от 200 до 800 рублей за печатный лист при условии малого тиража издания; 300 рублей за лист при стандартном тираже (15 000 экз.); 480 рублей за лист при двойном и 600 рублей за лист, за все, что выше — при увеличенном тираже (до 115 000 экз.).

Гонорары выплачивались за одно и то же произведение по несколько раз. Для этого писатели вначале издавали свои рукописи в так называемом местном издательстве, после чего, собрав сливки (положенный им гонорар), переиздавались на республиканском уровне, а затем и на общесоюзном. Но и это еще не все! Это же самое произведение можно было еще раз издать в «Избранном» либо в «Собрании сочинений». Вы сейчас будете смеяться, но это еще не конец поистине безграничных возможностей писателей советской эпохи, потому что мудрые писатели того прекрасного времени умудрялись еще раз отхватить гонорар за все то же произведение… Для этого они разбивали его на части и печатали в популярных журналах,

таких как «Огонек», «Юность» и так далее. Там платили бешеные гонорары, так как тиражи этих журналов были огромными. Недурно, не правда ли?

Но если вы думаете, что на этом перечисление благ, которые золотым дождем проливались на головы советских писателей, закончилось, вы ошибаетесь. Членам Союза писателей СССР для поддержания штанов, а также дабы мозги творцов не истощались от недостатка в организме полиненасыщенных жирных кислот (омега-3), которые, как известно, обильно присутствуют в черной икре, лососевых и мясе тунца, государство ежемесячно выплачивало пособие от 1000 до 2000 рублей в месяц — просто так, за здорово живешь... В 1936 году Союз писателей предоставил статистику, в которой 2660 писателей получали пособие по 2000 рублей в месяц. Для сравнения: оклад рабочего в то время достигал 250 рублей, а крестьянина из руководящего звена — 200 рублей. А чтобы воображение не оскудело, и муза их не покинула, испугавшись круглогодичного проживания в коммуналке, присутствовали и другие приятные плюшки вроде дачи в Переделкино.

«Нехорошо считать чужие деньги», — может возразить читатель. Неприлично, согласен, но уж очень увлекательно. Тем более что во мне говорит не пролетарская зависть, а желание более полно и четко отразить степень регрессии и упадка в отношении к писателям в современной России.

Ну да ладно, не будем забегать вперед и говорить о грустном. Приведу несколько цифр из биографий мэтров. За роман «Поднятая целина» Шолохов, помимо гонораров, получил Сталинскую премию первой степени (100 000 рублей в 1941 году) и Ленинскую премию (75 000 рублей в 1960 году). Роман-эпопею «Тихий Дон» Шолохов начал писать в 21 год, а опубликовал первые книги в 23 года; именно за это монументальное произведение он позже получил Нобелевскую премию по литературе. Полученные деньги он целиком потратил на путешествия по миру вместе с семьей. К чести писателя надо сказать, что Сталинскую премию он отдал на нужды обороны в годы войны, а Ленинскую — на постройку школы в родной станице, так что шведская награда осталась единственной в его жизни, которую он потратил на личные нужды.

В два с половиной миллиона советских рублей — астрономическую по тем временам сумму — государство оценило талант Константина Симонова за его военные произведения «Парень из нашего города», «Русские люди» и «Жди меня». На них он потратил четыре года творческого труда.

Что делать, если есть талант, но мама завещала помогать младшему брату, отлично знают участники знаменитых творческих тандемов: братья Стругацкие, братья Вайнеры… Да, и Петров — соавтор «Золотого теленка» — вовсе не Петров, а родной брат писателя Валентина Катаева, того самого, что написал сказку «Цветик-семицветик». Судя по легенде, братьев Вайнеров к литературному ремеслу привел спор — да как удачно привел! И как-то уж тут само собой совпало, что в гости к ним запросто заходили наглухо засекреченные в те времена люди: разведчики и по совместительству редакторы, которые свободно делились с ними эпизодами своей реальной биографии, что и позволило им в итоге воплотить на бумаге замечательных персонажей — один в один. Талантливый союз родственников у литературного верстака оказался весьма плодотворным. Одна «Эра милосердия» чего стоит! После выхода на широкий экран — фильма «Место встречи изменить нельзя» с Высоцким в главной роли — девяносто процентов жуликов по вечерам, на ночь глядя, стали почитывать журнал «Советская милиция» и вышивать крестиком букву «Д» на наручной повязке, которую носили добровольные помощники советской милиции — дружинники (волонтеры тех времен). Так что ничего удивительного, что их книги были переведены на иностранные языки и изданы в сорока странах мира общим тиражом триста миллионов экземпляров — и это уже какая-то не советская, а голливудская история успеха. У братьев Стругацких, Аркадия и Бориса, — двадцать девять романов, повестей и пьес; в 2017 году вышел полный сборник в тридцати трех томах, а общий тираж немногим не достигает трехсот миллионов.

Еще один талантливый, мегаплодотворный писатель того времени — Юлиан Семенов. Если кто не в курсе, это тот самый, что роман «Семнадцать мгновений весны» написал. По рассказам друга семьи Вайнеров — того самого прототипа Штирлица, редактора по совместительству. А вы что думали, инженеры с кирпичного завода рассказывают про работу агентурной сети в тылу противника? Нет, читатель, такие вещи узнаются из уст первоисточника, за продолжительным рюмочным чаепитием, и попасть в это общество — это уже половина вашего жизненного успеха. Кстати, право на экранизацию своего романа Семенов оценил во все те же семнадцать — только не мгновений, а тысяч рублей.

Неизлечимо больной туберкулезом, он был невероятно трудоспособным писателем, и об этом сами за себя говорят его произведения, тут же становившиеся хитами того времени: «Семнадцать мгновений весны», «Петровка, 38», «Огарева, 6», «Противостояние», «ТАСС уполномочен заявить…» Все они стопроцентно попадали в сердца читателей.

В заключение опуса о писателях советского периода привожу рассказ Довлатова. Както ему срочно понадобились деньги, и он за неделю написал рассказ о рабочем-передовике на два печатных листа, получив за это в издательстве 1000 рублей. Если из этой суммы убрать 160 рублей, то получится эквивалент годовой зарплаты прачки-кастелянши из детского сада в провинции, стиравшей семь часов в день детские пеленки вручную пять дней в неделю.

А теперь вкратце о китах постсоветского времени и об их феномене. После исчезновения цензуры и института критиков на книжный рынок хлынула так называемая чернуха и женское чтиво-жвачка. Понятно, что при СССР их оглушительный успех вряд ли был возможен. Пелевин публикует в 1996 году роман «Чапаев и Пустота», ставший хитом (я читал его лично, в том возрасте понравилось, сейчас на перечитывание не стал бы тратить время). Мое мнение об этом произведении: это тот случай, когда книга выходит в нужный момент в нужной стране — сомневаюсь, что жители Уругвая сильно бы заинтересовались этим сюжетом. Эта книга была написана для еще не вымерших в то время воинствующих постсоветских романтиков, и она нашла своего почитателя. Представьте себе, что первое его издание считалось провальным — всего лишь жалкие 10 000 экземпляров! В современных реалиях за такой тираж авторы готовы драться до крови (на перьевых ручках, естественно). Такой тираж сегодня с трудом обеспечивает целое издательство, задействуя все возможные и доступные в этом бизнесе средства, включая рекламу, работу литературных агентов и личный пиар.

Спустя три года, в 1999 году, вышел роман «Generation "П"», тираж которого превысил 300 000 экземпляров. К 2020 году общий тираж книг Пелевина превысил 5 000 000 экземпляров, а сами произведения были переведены на 35 языков мира. Ну что же, позабытый герой, ты брал свои вершины не раз, а теперь «спи спокойно» — пожелаем мы ему. Об остальных современниках, творцах-миллионщиках, можно только шутить и изумляться. Но так как всем известно, что все познается в сравнении, то давайте сравним. Л. Н. Толстой писал свой роман «Война и мир» десять лет. В современной России существуют писатели, которые, судя по количеству книг из расчета на время творчества, умудряются созидать по десять книг в месяц, а в год выдают по сто двадцать свежайших экземпляров, — и это началось еще до создания ИИ. Удивительно, но этот факт совершенно никого не удивляет. Не будем сейчас приводить фамилии этих вундеркиндов: их опусами завалены полки всех книжных магазинов и по ним снимают по семь тысяч сериалов в день, так что они всем хорошо известны. Но! Главная причина, почему я не буду озвучивать эти фамилии, заключается в том, что я боюсь. Боюсь, что если эти чудо-писатели все-таки уделят всего минуту своего драгоценного, в прямом смысле, времени и прочтут то, что я думаю о них, то им тут же придет в голову новый сюжет. Главным героем, которого буду я, и они тут же создадут еще один шедевр. А лесов-то все меньше, древесины на производство бумаги уходит все больше. И главное — тогда уже и так порядком перегруженный информационный фон планеты не выдержит и расколется пополам, засыпав нашу Блуждающую Звезду (так переводится слово «планета» с греческого) трехметровым слоем произ-

ведений ходячих пишущих машинок. Ну да бог с ними: если через десять лет о них кто-нибудь вспомнит, это и будет настоящим вторым чудом, следующим сразу за явлением Христа народу.

А так хотелось бы воочию увидеть или стать героем реальной рождественской истории, но чудеса, увы, всегда происходят с другими. В середине двадцатого века, а точнее в 1956 году, далеко за морями-океанами, в одном капиталистическом царстве-государстве жила-была, работая не сильно потея, хорошая девушка по имени Харпер. И вот как-то в канун Рождества она (хоть и большенькая была уже, но в Санта-Клауса верила). Она искренне верила, что Санта по ночам лазит по холодильникам своих подписчиков и вовсе не сосиски ищет, а записки — записки он ищет! Записки с детскими хотелками и пожеланиями. Затем Санта внимательно их читает, и при условии, что ребенок хорошо кушал и слушался маму, всенепременно исполняет все, что там написано.

Все как в старом анекдоте, где Санта-Клаус пролетает над Африкой на оленьей упряжке с большим мешком подарков в санях. Завидев его, дети бегут к нему и спрашивают:

— А почему ты нам не даришь хоть немного подарков? Мы очень голодные и хотим есть!

А добрый, но справедливый Санта им отвечает:

— А подарки я дарю только тем детям, которые хорошо кушают! — и улетает восвояси (видимо, в страну с более высоким уровнем жизни, где нет голодающих детей).

Ну так вот, мы отвлеклись. Так как хорошая девушка по имени Харпер, во-первых, хорошо питалась, а во-вторых, была уже взрослой, то и желания у нее были подобающие — но приличные, а не то, что вы сейчас подумали. Поэтому она себе пожелала не новые сандалии или сиреневый зонтик, а чтобы выйти в отпуск и целый год не работать, да еще получать за это зарплату! «Крейзи!» — подумаете вы и ошибетесь, потому как Санта ее записку прочел и выполнил все в точности с ее пожеланиями. В общем, собрал Санта-Клаус ее друзей и уговорил их, чтобы те скинулись и подарили ей годовой оплачиваемый отпуск, дабы у нее появилась возможность полностью посвятить себя написанию романа. Тут надо добавить, что еще и случай ей благоволил: сюжет ей придумывать не пришлось, так как роман она писала на основе реальных событий из воспоминаний собственного детства, а точнее — на примере из судебной практики отца. Два таких счастливых совпадения бесследно для судьбы книги пройти не могли, поэтому закономерно, что роман стал бестселлером и спустя всего год после публикации получил самую престижную в США Пулитцеровскую премию. Полное имя девушки — Харпер Ли, а ее книга — «Убить пересмешника». Это произведение вошло в программу восьмидесяти процентов американских школ и занимает шестую строчку в списке двухсот лучших книг по версии Би-би-си. На 2016 год общий тираж этой книги составил более тридцати миллионов экземпляров. Это ровно в десять раз меньше, чем общий тираж современной российской писательницы Дарьи Донцовой, но, как известно, каждому свое и каждому по деяниям его — за этим строго следит бородатый мужчина на небесах. Кстати, ничего путного Харпер Ли больше написать не смогла: то ли ей отпусков больше не дарили, то ли это было единственное интересное дело, которое вел ее отец, — этого мы уже никогда не узнаем, бабуля отошла в лучший из миров.

Хорошенькая рождественская история, не правда ли? Ну так это все про небожителей. Вернемся в наши родные пенаты и реалии, где нет Санта-Клауса, а есть Дед Мороз, которому по российскому законодательству разрешено дарить только годовой отпуск за свой счет (с последующим увольнением), а также носки, бутылку водки, и если еще даст полапать свою внучку, то можно считать, что праздник удался.

На сегодняшний день на исторической родине Деда Мороза девяносто девять процентов гонораров делит десяток писателей. Оставшийся один процент распределяют между собой те, чье творчество имеет значение для государства (те, кто составляет и пишет учебники, ученые монограммы, пропагандисты). Начинающие, так называемые молодые писатели в этой пище-

вой цепочке замечены не были по причине их полного там отсутствия. Но это не единственный источник отсутствия средств у начинающих писателей.

Ситуация такова, что начинающий писатель сегодня на просторах исторической родины Деда Мороза — это дичь, истекающая теплой, ароматной кровью добыча, которая вплавь пытается пересечь реку, кишащую зубастыми пираньями. Но это в Южной Америке их называют пираньями, а на исторической родине Деда Мороза их называют псевдоиздательствами. Такие пираньи-псевдоиздательства сильно не оригинальничают: их цель — создать иллюзию у автора, что его книгу будут продвигать профессионалы на мировом уровне. Расценки, кстати, у них действительно европейские, все привязано к доллару и евро — тут все по-честному. Надо для объективности сразу оговориться, что у таких псевдоиздательств действительно большие расходы: ежедневно подчищать негативные отзывы и комментарии на просторах интернета, постоянно содержать штат юристов для еженедельных судов с возмущенными, одураченными авторами — это, знаете ли, дорого стоит. Принцип работы таких псевдоиздательств прост: вначале вычитка, редактура, корректура, обложка, а затем размещение (с заранее им известным провальным успехом) в им же принадлежащих пабликах и публичных страницах. Естественно, что в этом паблике состоят такие же оболваненные молодые авторы, жаждущие мировой известности, славы, симпатичных поклонниц, а кто-то — поклонников. Никто, кроме самих авторов и пары-тройки родственников, которых удается уговорить заглянуть туда, этот паблик не посещает — это настоящее кладбище надежд, кунсткамера человеческого честолюбия. Потому что, чего уж греха таить, многие пишут лишь для того, чтобы потешить собственное самолюбие: на нового появившегося в паблике собрата по перу они и минуты времени не найдут, а не то, чтобы читать — лайка не соизволят поставить.

Вообще, картина с писательским делом в стране сложилась удручающая: полная монополизация двумя игроками издательского рынка привела к тому, что туда новичку не пробиться ни с какими талантами. Ничего личного — это оскал дикого капитализма. Все еще более усугубляет тот факт, что из самой читающей страны мира (статистика на 1966 год) мы стремительно переместились в конец списка. На 2023 год пришелся самый низкий читательский интерес к бумажным изданиям за всю историю развития печатного дела в России, начиная с царских времен Кирилла и Мефодия.

На любые попытки возразить издателю на писателя ловко надевают намордник, состоящий из фразы: «Ваша книга должна иметь коммерческий потенциал». Видимо, для того чтобы начинающий автор постоянно пребывал в состоянии перманентного счастья от будущего успеха, для него придумали платную услугу стоимостью от 350 долларов — «Оценка коммерческого потенциала вашей рукописи».

Находящийся в постоянной прострации от бесконечных трат с момента начала работы с псевдоиздательством, молодой писатель уже не в состоянии интересоваться, из чего складывается такая стоимость. Он уже начинает понимать, что его обувают как лоха интеллигентные сволочи, но боится себе в этом признаться: стыдно и страшно потерять надежду и наконец признать, что весь мир — цирковое представление с хищниками, а он в этом действии — лишь кролик для корма. Так что из чего слагается такая цена, какие критерии и параметры входят в анализ расчетов коммерческого потенциала — военная тайна. В сети вы можете найти кучу постов, какие роялти в процентном соотношении положены писателям: они довольно сильно разнятся — от трех процентов для начинающих до пятнадцати процентов для мэтров. Все это превосходно и внятно выглядит на бумаге, однако в действительности, когда вы столкнетесь с этим лично, все выглядит ужасающе убого и сразу же ставит начинающего писателя в разряд никому не нужной бестолочи, от которой мало прока или, по меткому замечанию жителей провинции: «Как от козла: ни шерсти, ни молока».

Чтобы не быть голословными, приведем собственный пример печальной попытки Писателя заявить о себе миру. Написав рукопись, он отредактировал ее за смешные (как Писа-

тель тогда думал в предвкушении огромных гонораров) 37 000 рублей. Ко всему прибавились вычитка, корректура, дизайн обложки и присвоение необходимого для продажи ISBN — сумма незаметно увеличилась еще на 90 000. Солидное псевдоиздательство имеет огромный потенциал для размещения вашей книги на десятках площадок и маркетплейсов. Разумеется, для начинающего (в данном случае — оленя) писателя эта опция платная: чтобы читатель мог увидеть творение на Литресе, он собственноручно отнес в издательство 44 000 честно заработанных денежек.

«Но это того стоило», — размышлял Писатель тогда восторженно. Целый год многочисленные поклонники его таланта будут иметь возможность скачивать и наслаждаться его творением! Он уже наяву представлял, как источающие аромат свежести девушки с третьим размером груди преподнесут ему букеты цветов, в которых спрятаны записочки с их номерами телефонов… А впрочем, кому как не писателю предаваться фантазиям? Вся наша суть работы — это жизнь среди грез.

Однако вернемся к нашим верблюдам: бумажная версия «печать по требованию», а также размещение на OZON и Wildberries обошлись Писателю в скромные 20 000 рублей. После всех этих приятных хлопот и пары месяцев ожидания наконец-то зашла речь о роялти и вообще о законном вознаграждении за его интеллектуальные потуги. В воспаленном воображении замаячил увитый лаврами путь с небольшими, само собой прилагающими бонусами типа всемирной славы и статусного автомобиля. Словоохотливая дамочка из издательства популярно объяснила ему принцип ценообразования и предложила Писателю самому выбрать сумму отчисления с книги, не забыв упомянуть при этом, что завышенная сумма роялти может существенно снизить ее покупательскую привлекательность.

Писатель, окрыленный, выживший в военных переплетах, счастливый от самой мысли, что вот-вот осуществит мечту, к которой шел всю свою сознательную жизнь, поступил как последний, неизлечимо больной романтизмом человек. Он выбрал сумму, равную значению последовательности Фибоначчи, — 89 рублей. Соответственно предоставленной ему схеме, его книга должна была стоить в районе 500–580 рублей. Допсоглашение, присланное псевдоиздательством, указывало, что дистрибьюция продолжится ровно шесть месяцев, а дополнительная пролонгация обойдется в 36 000 рублей.

После окончания всех требуемых дел Писатель, гордый и довольный собой, расслабился и принялся отслеживать продажи на маркетплейсах собственной интеллектуальной собственности. И первое, что его неприятно поразило, — это стоимость, которая кратно превышала сумму, озвученную вежливым менеджером. По ее версии, стоимость книги на прилавке не могла превышать сумму его гонорара более чем в четыре раза (400%), это был максимальный потолок. Каково же было его удивление, когда он увидел, что за книгу, с продажи которой Писатель получал фиксированные 89 рублей, на минимальной отметке цена составляла 1527 рублей, а на максимуме — 2614!

Проведя несложные расчеты, выясняем среднюю — 2070 рублей за экземпляр. Получается, что цена продажи книги превосходила его гонорар на 2320%. Думаю, не стоит говорить о том, что Писатель был в культурном шоке. Его возмущало не только то, что это наглый обман, а еще и то, что они поставили неконкурентоспособную наценку, сразу начисто отбривая любого потенциально заинтересованного покупателя. В итоге всей этой грустной эпопеи, вложив в книгу больше 150 000 рублей, Писатель извлек прибыль в размере 279 рублей (с вычетом налогов). Получается, что он заработал на собственном детище, уйдя в минус 537,6344086022 от вложенной суммы. Это было не фиаско, а пропасть — пропасть безнадежности. Мечта детства лопнула, как елочная игрушка, упавшая на кафельный пол. И тогда, достигнув дна океана отчаяния, он громко завопил, обращаясь к Создателю и стараясь перекричать монотонный гул просьб миллиардов просителей:

— Господи, да когда же наконец-то у меня будет ВСЁ ХОРОШО?!

И Он ответил:

— Сын мой, ты проживешь долгую жизнь, постареешь, станешь совсем дряхлым, умрешь. Тебя положат в гроб, опустят в могилу. А сверху рабочий скажет: «Чуть левее. Еще. Теперь правее. И пониже чуть-чуть». Вот теперь — ВСЁ ХОРОШО!

Отличное утешение, не правда ли? Но Писателю оно не понравилось.

— Но как же так? — продолжил он возмущенно. — Должна же существовать в этом мире какая-то справедливость?

— Какая еще справедливость?

— Божья справедливость! — почти выкрикнул он, теряя остатки самообладания.

— А кто тебе сказал, что в этом мире существует справедливость? — спросил все тот же голос.

Писатель взахлеб принялся перечислять: родители, учителя в школе, философские притчи…

— Ну так вот: кто тебя этой глупости учил, у них и следовало спросить, где эта самая справедливость.

Писатель почти потерял дар речи от такого поворота беседы, но еще не растратил запал, поэтому тут же переспросил в надежде наконец понять причину собственных злоключений:

— Так значит, моя неудачливая судьба — не Божий замысел? Тогда что же это — карма?

— Послушай, сынок, я объясню тебе, откуда и из-за чего появилось понятие кармы в умах человеческих, — отозвался Голос. — Тот, кого принято считать Богом и к чьей справедливости ты сейчас взываешь, давненько уже и безнадежно дискредитировал себя. Еще со времен Средневековья: гонения на красивых женщин, затем чума, оспа, холера, мировые войны, холокост, наводнения, землетрясения с сотнями тысяч безвинных жертв, бомбежки православной страны в пасхальное воскресенье и так далее. Но человек боится жить в мире случайностей, ему нужно во что-то верить — в то, что его защищает кто-то, пусть и невидимый обычному глазу. Верить в то, что он заслужил то, что имеет, что праведное поведение всегда окупится и ему воздастся по заслугам, а люди, которые в этом мире страдают, это заслужили и нечего их жалеть. Вот тогда-то и придумали карму — универсальное объяснение твоих мук и страданий. Мол, ты уже в прошлой жизни нагрешил, теперь тебе страдать. Не веришь — поди проверь!

— Но что же теперь делать? Так же жить невыносимо!

И тогда в ответ на эту реплику голос торжественно ответил:

— Постарайся родиться заново, но теперь — в семье долларового миллионера.

— Вы смеетесь надо мной! — завопил Писатель. — Это невозможно в нашей вселенной!

— Вот ты и ответил на свой вопрос, сынок, — промолвил голос и растворился в хаосе городского шума.

Наступил решающий в его жизни момент. Пиши он ради желания выделиться или элементарно чтобы самоутвердиться, подавляя таким образом свой внутренний комплекс неполноценности, то никогда больше не вернулся бы к этому неблагодарному в наше потребительское время ремеслу. Но Писатель считал, что ему есть что сказать этому миру. Это право он заслужил с оружием в руках и не собирался позволить поганой судьбе, уготовившей ему безграмотное воспитание, провинциальное место рождения и безнадежное материальное положение, заставить его отказаться от своего призвания — писать. Владение пером, как рукоять меча, было вложено ему при рождении — ему оставалось лишь подтвердить это право.

Точно так же в древней самурайской Японии катаной имела право пользоваться только знать, а позднее в Европе времен Возрождения только избранным был удел выяснять отношения, держа шпагу в руках. В современном мире честь и борьба не коннектятся, это не модно: самурайские мечи продаются вместе с чипсами из картошки в супермаркетах, а шпагу можно заказать с доставкой на дом в наборе с пиццей пепперони.

ГЛАВА ПЯТАЯ
«НА БОЧКЕ»

Свою первую книгу Писатель начал писать, когда тянул контракт на СВО добровольцем. Небольшая тетрадь в клеточку на двадцать четыре листа стала заменой того самого военного психолога, которого каждый побывавший в зоне боевых действий (ЗБД) придумывает себе сам. Но первопричиной того, что Писатель наконец за долгие годы разрешил себе дать выговориться своему внутреннему ребенку, послужила череда событий, которых он стал невольным участником.

В добровольческом батальоне, в котором он служил, имелся отдельный взвод связистов, и там среди бравых хлопцев нес службу неприметный мужичок в очках, средних лет, ничего необычного, кроме одной детали: он постоянно под броником носил тетрадь, предусмотрительно заворачивая ее в целлофановый пакет от пота и грязи. Когда вы живете в полевых условиях, скрыть что-либо от окружающих невозможно: очень быстро все узнают, что у тебя геморрой или тату в виде листочка каннабиса подмышкой. Писатель с ним практически не пересекался, но до него доходили слухи о том, что «Ваня» (такой был позывной) пишет книгу, периодически делая в тетрадь записи. Сами понимаете, что на передке, где нет связи, нет инета, где 24 на 7 работает ГРУ, бойцы, которые конспектируют происходящее, не могут не вызывать пристального внимания. Естественно, «Ваню» вызвали в штаб на секретную беседу, в результате которой каждая собака и даже батальонный кот Бомбора оказались в курсе происходящего. Посмеялись и забыли — вполне безобидное отклонение у бойца, это не промедол для личного употребления тырить.

— Каждый дрочит на шо хочит, — высказал свое мнение прапорщик с позывным «Шрек» и поинтересовался у охранявшего штаб часового: — Что там у начальства слышно, когда укропы сдадутся?

Тот не знал и ответил древнейшей военной присказкой:

— Тарахти, домой он собрался. Тебе до дембеля, как медному котелку до ржавчины!

Так к служившим в батальоне электрикам, ветеринарам и столярам-краснодеревщикам прибавился писатель по позывному «Папа Карло» (парень на гражданке работал на фабрике игрушек, где клеил деревянных Пиноккио в славном городе Уфе).

Спустя месяц после этих событий «Ваню» задвухсотили во время отката. Будучи от природы невысокого роста, после смертельного ранения в живот он скукожился, подтянул ноги и стал похож на подростка, зачем-то по нелепой случайности натянувшего зеленую военную форму и тут же поплатившегося за это. Замполит с позывным «Ветер» вытянул из-под броника уцелевший, окровавленный пакет с тетрадью. Оттуда выпали раздавленные очки с толстенными стеклами.

— Кто же его, слепого, с такими-то диоптриями на войну взял? — недоуменно спросил помогавший ему санитар «Кузьма».

— Доброволец, сам пошел. В обычное время таких комиссуют.

Замполит «Ветер» и сам прорвался на СВО сквозь кордоны. Ему, потомственному офицеру, выходцу из семьи кадровых военных, еще в нулевых после ранения в горах поставили категорию «Д». Но он не смог остаться в стороне и молчаливо наблюдать, как гибнут ополченцы, и вступил в ряды добровольцев. Пообещав родителям отсидеться в Луганске при штабе, он уже через неделю был на передке. Коренной москвич и генеральский внук, он на гражданке имел обширные связи и высокопоставленные знакомства. Офицер старой советской закалки и настоящий замполит, он понимал, что нужно сказать присутствующим бойцам в эту минуту:

— Тетрадь эту я опубликую, у меня есть связи в редакции большой газеты. Дело «Вани» не пропадет, обещаю.

Но так получилось, что пропал он сам. Через неделю после смерти «Вани», ночью, «Ветер» во время разведвыхода задел сигналку и спровоцировал обстрел укроповской арты. С поля вынесли только его голову и часть голеностопа. Естественно, о тетради Вани никто больше не вспоминал.

Писатель не прочитал ни одной строки из записей Вани, он не знал даже его настоящего имени и откуда тот был родом. Он знал одно: он должен сесть и написать. Ради «Вани», ради замполита «Ветра», ради тысячи погибших романтиков и ради себя. Пришло время поднять меч.

Дембельнувшись, Писатель с упорством выжившего принялся за самое жизнеутверждающее для мужчины занятие — постройку собственного дома. Но, как известно, романтики не умеют торговаться и экономить, в соответствии с пословицей: «Талант — это вечная молодость, а гениальность — это вечное детство», — и его сбережения довольно быстро растаяли. На тот момент в стране в связи с СВО еще только начинал чувствоваться дефицит трудоспособных мужчин. Работодатели, привыкшие за сытные десятилетия, что загнанные в ипотеки и автокредиты трудяги от безысходности готовы пахать за гроши, лишь бы их не выперли вместе со спиногрызами и пожитками на улицу банки, поднимать ставки не спешили.

В провинции, где все как обычно жестче и безнадежнее, рядовой для столицы попка (менеджер среднего звена), на которого на улице Баумана не обернется даже таджик-дворник, в полусельских городках и поселках городского типа — персона, Царь и Бог, и носит негласный титул Сотрясатель Вселенной. У такого на подкорке мозга записано: «Никому ничего не дам и никогда не помогу». Превосходно осведомленный о менталитете местных баев, поиск работы поблизости Писатель отмел сразу — пришлось напрячь немногочисленных, зато очень широко раскиданных географически по стране хороших знакомых и однополчан. Метод сработал: дружище из Воронежа вошел в положение, правильно поняв специфику запроса Писателя (тот искал место, где будет возможность работать над книгой), и маякнул, что в Белгородском приграничье — очень горячей точке в тот момент — требовался охранник со стальными тестикулами. Потому как охранять предлагалось вовсе не пруд для разведения карпов, а газовую заправку с хранилищем на 350 кубометров очень взрывоопасной субстанции. Я думаю, всем читателям хотя бы раз в жизни по ТВ приходилось видеть, что может сделать при взрыве со зданием обычный газовый баллон емкостью в пятьдесят литров. Так вот, умножьте эту взрывную мощность на семьсот раз, и вы будете иметь представление, на каком вулкане предстояло жить Писателю.

Строят такие заправки в специально отведенных местах, соблюдая расстояние не менее километра до жилых построек, и совсем не случайно. Так как если такое мини-газохранилище жахнет, воронку можно будет разглядеть с планеты Марс без телескопа, а чугунный вентиль диаметром десять дюймов может достигнуть созвездия Кассиопеи. Сама по себе эта информация ничего оригинального не представляет, не присутствуй тут еще один нюанс, из-за которого на это место не могли найти работника по всей России.

Это хранилище находилось всего в двух километрах от российско-украинской границы, и вот уже как год по нему регулярно лупили укропы из различных видов оружия, включая беспилотники. Ну, если уж быть абсолютно точным, не совсем по хранилищу. Просто так уж вышло по судьбе Писателю, что оно находилось прямо по траектории пролета мин и снарядов, потому что от газохранилища в километре находилась крупная энергоподстанция, которая, собственно, и была основной стратегической целью атак. В условиях современных методов войны это, несомненно, очень важный объект, так как сейчас без электричества никуда. Цифры в голове Писателя складывались сами собой: до границы два километра, миномет добивает до семи — такая вот выходила нерадостная арифметика.

И тут работодателю сказочно свезло найти такого психа на окраинах нашей Родины. Писатель нуждался в уединенном месте, где он сможет редактировать без лишних разговоров и ушей — в общем, в одиночестве: ему требовалось переписать рукопись набело из трех разных тетрадей.

Первое, что Писатель выяснил, — оказалось, что, несмотря на близость границ, менталитет белгородских людей ничего общего с жадновато-украинским не имеет. Местные, еще продолжавшие обслуживать здание рабочие, встретили смертника гостеприимно: натащили ему местных солений, продуктов и полторашку ядреного домашнего вина, но больше часа старались на работе не задерживаться, что шикарно совпадало с планами Писателя. В итоге он зажил как король в изгнании — с припасами, книгами и в одиночестве.

Однако, как оказалось, у судьбы Писателя были другие намерения. Не успела машина его начальника скрыться за пышно разросшимися по краям дороги черешнями и тот стянул каску и броник, как послышался первый прилет, а вечером ему рассказал слесарь, что на огороде убило копошившуюся на бахче бабку.

С того дня начался планомерный, не прекращающийся, а только нарастающий с каждым днем обстрел — предподготовка перед прорывом. После первого прилета рабочие поскучнели и засобирались домой. Писатель услышал в свой адрес такое напутствие:

— Ты уж постарайся тут не умереть за три дня, пока нас не будет, мы тебе еще продуктов привезем.

— Хорошо, — бодро ответил он заботливым, сердобольным местным жителям, разглядывая, как ярко отражается южное весеннее солнце в выбитых взрывной волной осколках на асфальте — бывших час назад окнами цеха.

Газовое хранилище было построено на искусственном острове, отсыпанном посреди большого болота, в котором в избытке водились дикие утки, тритоны, а теперь и не долетевшие до пункта назначения, невзорвавшиеся укроповские мины. Расположился Писатель в центре здания в самодельной комнатке, где у него были диванчик и рабочий стол. Картонная коробка, обшитая фольгой (непонятно для чего сделанная рабочими), вполне его устраивала. Понятно, что от осколков защитить она не могла, а спать в бронике Писателю не позволял Заратустра. Поэтому ему пришлось создать импровизированное бомбоубежище из смотровой ямы в автомобильном гараже, находившемся на огороженной территории. На яму поперек он положил две найденные на территории б/у железные двери. Зная по боевому опыту, что они смогут спасти от обломков стен и кирпича (от прямого же попадания снаряда не поможет и Бог, но об этом думать — нечего и на войну ходить), Писатель рассудил: если не сдетонирует хранилище газа, то шансы выжить у него оставались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.